

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkii Arkhiv
 Has been issued since 1863.
 ISSN: 2408-9621
 E-ISSN: 2413-726X
 2017, 5(1): 63-94

DOI: 10.13187/ra.2017.1.63
www.ejournal16.com

UDC 908:303.422

«At Least Once More to See You and Tell You So Much...»: Personal Archive of the Old Bolshevik M. Ruban

Preparation for publication, introductory article and comments

Olga V. Semenova ^{a,*}

^a Institute of Social-Economic Research and Humanities of Southern Scientific Centre of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

The publication contains documents from the personal archive of the old bolshevik, red partisan and a hero of the Civil War, Order Bearer Mefody Andreevich Ruban. The documents cover the period from 1914 to 1968 and are an important evidence of both the life of Ruban himself and a large segment of the Soviet era as a whole. The publication of documents gives the researcher an opportunity to get a clearer idea of the Soviet reality.

Keywords: red partisans, M.A. Ruban, farmstead Podkuschevsky, Civil War, group of “Thirteen”, M.A. Sholokhov.

В текущем 2017 г. исследователи уделяют значительное внимание революции 1917 г. и Гражданской войне. Для историков юга России изучение событий и свидетельств, связанных с этими бурными и трагичными годами, является одним из приоритетных направлений в работе, поскольку именно здесь во многом определялись исход революции и последующие тенденции в развитии Советского государства. В основном внимание привлечено к документам государственных и ведомственных архивов. Наряду с этим, в научный оборот постепенно вовлекаются и документы личных, семейных архивов, представляющие новые возможности для исследований.

По мнению ряда исследователей, именно в личных документах наилучшим образом прослеживается информация, отражающая «бытовые условия жизни людей, формирование частного и коллективного сознания, представления людей разных поколений, разных социальных слоев общества» (Альтман, Иноземцева, 2013: 137–150). Личные свидетельства эпохи, особенно периодов войн и военных конфликтов, являются бесценным историческим источником. И поэтому «все шире используются различные источники личного происхождения, в том числе устные, ранее резко критиковавшиеся как менее достоверные из-за своей субъективности и пристрастности» (Krinko, 2015: 80).

В данной связи представляет безусловный интерес личный архив красного партизана Мефодия Андреевича Рубана¹. Возможность ознакомиться с ним предоставила

* Corresponding author

E-mail address: oliko_sov@mail.ru (O.V. Semenova)

Е.Ю. Савченко – родственница (правнучка) М.А. Рубана, в целях упорядочения семейных документов. Эти документы являются интересным и неизвестным исследователям историческим источником. Хронологически они охватывают период с 1900 по 1968 гг.

Личный архив М.А. Рубана включает несколько групп документов:

- личные документы (удостоверения, мандаты, справки, трудовая книжка и т.п.);
- официальная переписка М.А. Рубана с различными учреждениями и частными лицами;
- фотографии;
- печатная продукция (газеты и газетные вырезки, бланки поздравлений, официальные списки героев-партизан, выпущенные типографским способом).

Все указанные документы хранились в семье. После смерти М.А. Рубана родственники архивом не занимались. Бумаги находились в портфеле и папках, не были систематизированы и ранее не публиковались.

Мефодий Андреевич Рубан родился в 1894 г. Он являлся уроженцем хутора Подкущевский станицы Кущевской (в настоящее время – Краснодарского края). Являлся красным партизаном, помощником командира бронепоезда «Истребитель № 1», организатором и руководителем подпольной боевой революционной группы «Тринадцать чертей», действовавшей в хуторе Подкущевском в декабре 1917 – январе 1918 гг. Группа «Тринадцать чертей» (или просто «Тринадцать») была названа по числу участников. В воспоминаниях М.А. Рубана и других документах приводится значительное количество исторической информации об этих событиях. Она не всегда находит подтверждение в других источниках и исследованиях: очевидно, что необходимо продолжать работу над изучением данного комплекса документов в сопоставлении со всеми доступными историческими свидетельствами.

Рис. 1. Члены подпольной боевой революционной группы «Тринадцать чертей». М.А. Рубан – в проеме окна. Закрашена фигура товарища, позже оказавшегося «врагом народа» (по словам Ю.Г. Рубана – внука М.А. Рубана). Фамилия его также закрашена и неизвестна. Год не установлен.

¹ В семейной традиции по свидетельству внука и правнучки Мефодия Андреевича фамилия Рубан не склонялась.

Рис. 2. Члены группы «Тринадцати» на месте своей бывшей конспиративной квартиры. М.А. Рубан – слева. Год не установлен.

Мефодий Андреевич Рубан до последних дней жизни был убежденным сторонником советской власти. Этой убежденности не могли помешать бюрократические сложности, с которыми старый большевик сталкивался уже в преклонном возрасте. Будучи инвалидом и персональным пенсионером (соответствующие документы сохранились в его архиве), М.А. Рубан до 1961 г. не мог получить квартиру, достойную пенсию и лечение.

Несмотря на трудности со здоровьем, бытом, гибелью одного из сыновей в годы Великой Отечественной войны, Мефодий Андреевич активно поддерживал связь с боевыми товарищами, сотрудничал с музеями, встречался с сотрудниками архивов, корреспондентами, вел переписку с школьным экспедиционным отрядом им. Д.П. Жлобы¹ Прикумского дворца пионеров (Морозова, 2008: 206–228). Им оставлены записи воспоминаний о событиях дореволюционного времени, революции и Гражданской войны.

Особое значение в оценке личности М.А. Рубана играет тот факт, что он был знаком с М.А. Шолоховым, вел с ним переписку (в архиве остались черновики писем к Михаилу Александровичу). В 1935 г. Шолохов приезжал в Подкущевский, встречался с героями-партизанами, в том числе и с М.А. Рубаном. Поводом для встречи стало письмо подкущевских партизан, стремящихся оставить потомкам свои воспоминания о грозных революционных годах. М.А. Шолохов заинтересовался этой идеей, встретился с бывшими партизанами, обсуждал план книги. Однако, будучи занят подготовкой к изданию «Поднятой целины», посоветовал подкущевцам самим постепенно собирать материал для будущей книги. Воспоминания, составленные Рубаном по поручению товарищей, явились данью уважения к Михаилу Александровичу, который советовал обязательно написать мемуары (Михаил Шолохов, 2005: 128).

После Гражданской войны М.А. Рубан строил новую жизнь. Он женился, растил двоих сыновей, работал, несмотря на то, что здоровье ухудшалось. Избирался в члены сельсовета

¹ Жлоба Дмитрий Петрович (1887–1938) – красный командир времен Гражданской войны. Командовал полком, бригадой и «Стальной» дивизией в боях на юге страны. После Гражданской войны работал в народном хозяйстве. В 1937 г. арестован, обвинен в подготовке антисоветского восстания на Кубани и расстрелян. В 1956 г. реабилитирован за отсутствием состава преступления. Сын и дочь Д.П. Жлобы так же были арестованы и осуждены. М.А. Рубан встречался с дочерью Д.П. Жлобы после ее освобождения из заключения в 1956 г.

родной Подкущевки, одно время даже был председателем сельсовета, организовывал колхозы. Всегда оставался убежденным большевиком.

Рис. 3. М.А. Рубан со своими сыновьями Вилениным (слева) и Геннадием (справа). 1935 г.

Не все сохранившиеся бумаги, на первый взгляд, кажутся важными документами. Многие записи и справки скорее являются доказательством педантичности и аккуратности владельца. Однако и эти документы – исторические свидетельства эпохи. Их наличие дает возможность исследователю получить более четкое представление о советской действительности. М.А. Рубан сохранял черновики своих писем в различные органы власти, а также ответы из этих инстанций. Как считает исследователь М.А. Клинова, подобные письма являются важнейшими источниками в изучении советской повседневности (Клинова, 2012: 300–305). Документы архива позволяют изучать особенности бюрократической переписки в 20–70 гг. XX в. Кроме того, переписка автора с организациями и частными лицами расширяет исследовательское поле, стимулирует изучение истории южнороссийского региона.

Уходит в прошлое советская эпоха. Но еще живы люди, существуют книги, фильмы, документы этой эпохи. У представителей нового поколения возникает немало вопросов о прошлом. Личные документы позволяют исследовать культурные, политические и социальные тенденции в развитии советского общества. По мнению О.А. Шабалиной, «чтобы сохранить связь с уходящей советской эпохой, чтобы понять смыслы и ценности которые воспроизводились в этот период, необходимо, наравне с общими массовыми исследованиями и учетом статистических данных, обратиться к анализу личных архивов, где в рассмотрении жизненного мира отдельного человека возможно увидеть глубинную скрытую связь индивида и общества» (Шабалина, 2015: 761–770).

В настоящее время основной массив документов архива (более 800 листов, четыре папки) разобран, систематизирован, частично сфотографирован. Сложность работы с документами связана с тем, что многие из них находятся в ветхом состоянии. Ознакомление с рукописями и письмами затруднено малоразборчивым почерком автора. После полученной во время Гражданской войны контузии М.А. Рубан был инвалидом II группы, его почерк со временем ухудшился.

Все документы публикуются впервые, в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, но с сохранением стилистических особенностей. В квадратных скобках приводится текст, восстановленный публикатором. Работа с архивом М.А. Рубана продолжается, и в дальнейшем планируются новые публикации его документов.

Удостоверение Ростовской-на-Дону городской комиссии по определению принадлежности к красным партизанам¹

№ 1457

5 сентября 1931 г.

Дано сие т[оварищу] Рубану Мефодию Андреевичу в том, что действительно является красным партизаном и имеет право пользоваться льготами, объявленными в постановлениях ЦИК и СНК СССР № 109 от 22/II–28 г. и СНК РСФСР № 274 от 24/III–1928 г.

Основание: протокол Ростовской[-]н[а-]Д[ону] городской комиссии № 81 от 2/VII–31 г.

Председатель комиссии
Секретарь

Подлинник. Машинопись

Справка Северо-Кавказского краевого музея революции г. Ростова-на-Дону²

№ 354

8/VII–1934 г.

Дана тов. Рубан[у] Мефодию Андреевичу в том, что по материалам Азово-Черноморского краевого музея революции г. Ростов[а] н/Д он значится красногвардейцем, красным партизаном, пом[ощником] командира бронепоезда «Истребитель № I-й» и как организатор и руководитель подпольной боевой революционной группы «Тринадцати», работавшей по организации к вооружению красногвардейских и партизанских отрядов и организации советской власти в Подкущевке Куцевского района Азово-Черноморского края в полном окружении контрреволюции на Дону и на Кубани, что удостоверяется.

М.П.

¹ Партийная комиссия Северокавказского крайкома выдавала документы, подтверждающие боевое прошлое красных партизан.

² Северо-Кавказский музей горских народов создавался на базе Донского музея в связи с образованием в 1926 г. Северо-Кавказского края. После образования в 1934 г. Азово-Черноморского края музей горских народов был переведен в Ставрополь. На базе оставшихся коллекций создали музей Ростова-на-Дону.

Зам[еститель] директора
по научной части

Подпись
Копия. Машинопись

**Удостоверение Ростовской-на-Дону окружной организации
Степнянского районного комитета РКП(б)**

№ 10

7/II-1922 г.

Дано сие инструктору Степнянского райкома т[оварищу] Рубан[у] Мефодию в том, что он командируется по району для инструктирования ком[мунистических] ячеек. Всем чл[енам] РКП(б), стоящим во главе учреждений и отв[етственным] работникам предлагается оказывать содействие в передвижении.

МП

Секретарь райкома

Подпись
Подлинник. Рукопись

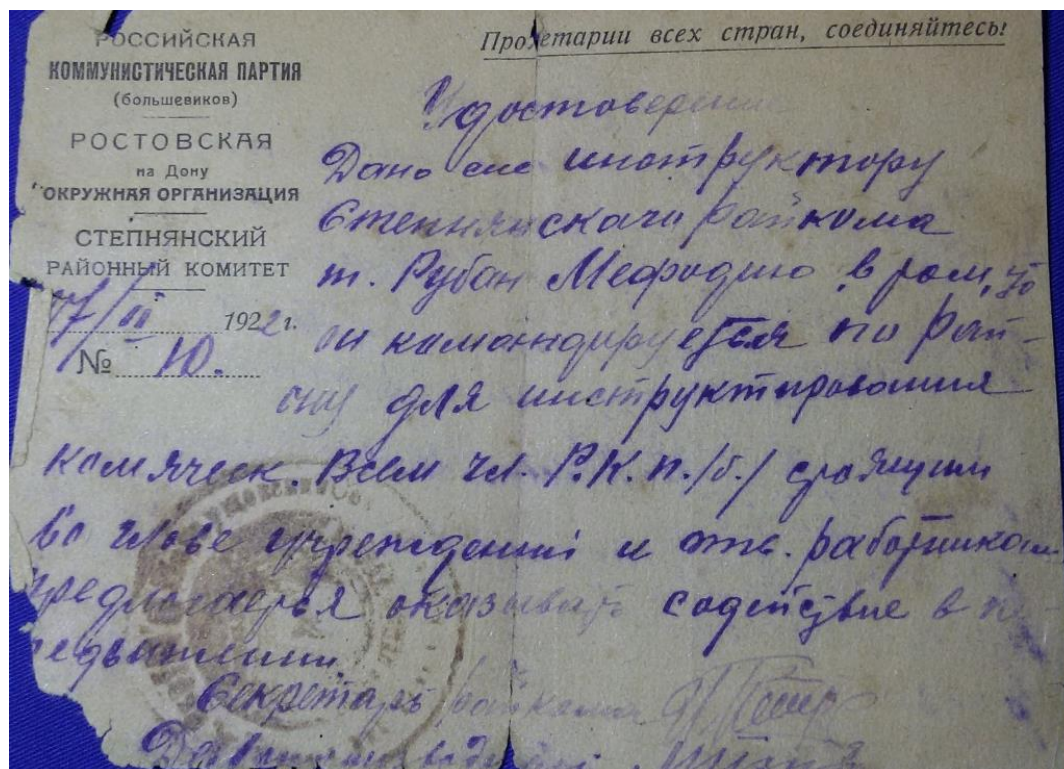

Рис. 4. Удостоверение Степнянского районного комитета РКП(б). 1922 г.

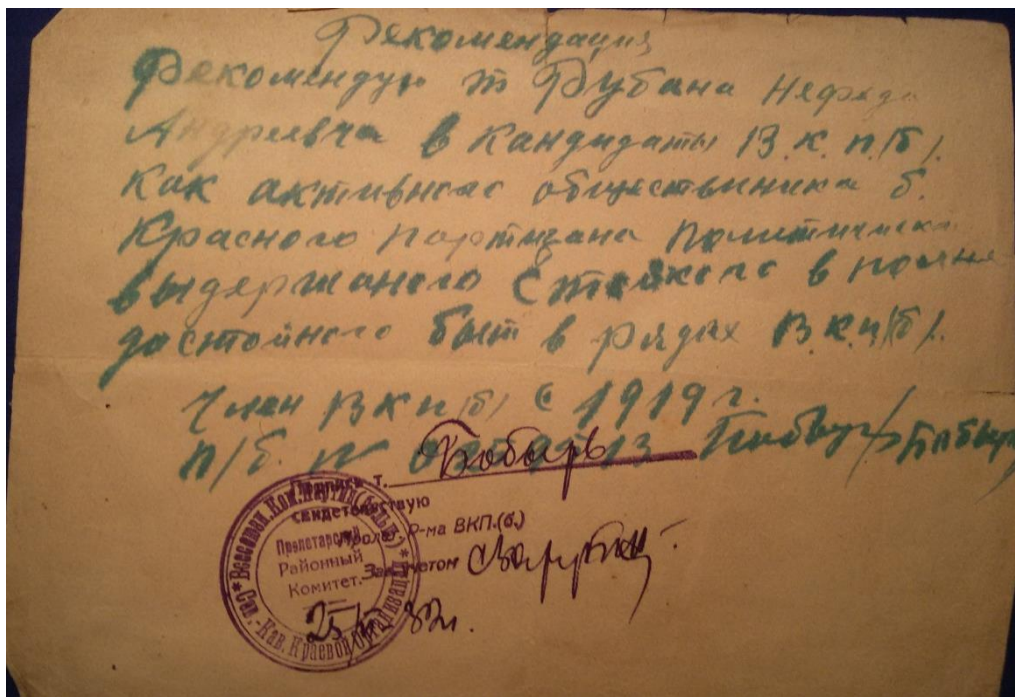

Рис. 5. Рекомендация М.А. Рубану для вступления в ВКП(б). 1932 г.

Сопроводительное письмо 6-го отдела штаба Северо-Кавказского военного округа Народного комиссариата внутренних дел СССР, подтверждающее награждение орденами Красного Знамени

С приложением 5 орденов «Красное Знамя»
24 апреля 29 г.

№ 6/12/2404

Председателю Кущевского
районного исполнительного комитета

копии – гр[ажда]нам хут[ора] Подкущевского
Кущевского района Донского округа
Попову Ивану Ивановичу
Рубан[у] Мефодию Андреевичу
Тютюнникову Никодиму Александровичу
Матышеву Георгию Ивановичу
Бобыр[ю] Петру Прокофьевичу

Присылаемые при этом 5 знаков ордена «Красное Знамя» прошу вручить:

1. За № 15970 – Попову Ивану Ивановичу – бывшему партизану и впоследствии военному кав[алерийского] полка 39-й стрелковой дивизии.
2. За № 15971 – Рубан[у] Мефодию Андреевичу – бывшему партизану и командиру взвода бронепоезда «Истребитель».
3. За № 15972 – Тютюнникову Никодиму Александр[овичу] – бывшему партизану и начальнику команды разведчиков бронепоезда «Истребитель».
4. За № 15973 – Матышеву Георгию Ивановичу – бывшему партизану и помощнику военного комиссара 22-го полка 12-й стрелковой дивизии.
5. За № 1594 – Бобыр[ю] Петру Прокофьевичу – бывшему партизану и политруку эскадрона 3-го Крымского <текст утрачен>.

Одновременно прошу выдать им посланные при этом удостоверения в 6/12/2404. Посвидетельствованные расписки т[оварищей] Попова, Рубан[а], Тютюнникова, Матышева, Бобыр[я] прошу выслать в 6-й отдел штаба округа.

Приложение: упомянутое.

Начальник 6-го отдела	<i>Подпись</i>	Леонов
Помощник начальника отдела	<i>Подпись</i>	Седов

Копия. Машинопись

**Акт медицинского освидетельствования М.А. Рубана
врачебно-контрольной комиссией райздравотдела¹**

Акт № 4426

1929 г. 1-го дня марта

ст[аница] Кущевская Дон[ского] округа

Врачебно-контрольная комиссия райздравотделения сего числа освидетельствовала состояние здоровья Рубана Мефодия Андреевича, лет 35, находящегося на службе, служащий хутора П[од]кущевского.

Травматический невроз, сопровождающийся припадками.

Неполный анкилоз левого коленного сустава.

Заключение врачебно-контрольной комиссии:

Инвалид II-й группы.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

Председатель комиссии
Ростов

/Скрябина/

Заверенная копия. Машинопись

**Справка из Подкущевского сельсовета Кущевского районного исполнительного
комитета Совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов Донского
округа о советской и общественной работе Рубана М.А.**

№ 59/31

3 августа 1929 г.

Выдана настоящая гр[аждани]ну хутора Подкущевка Рубану Мефодию Андреевичу в том, что он с 1920 г. и по 1923 г. вкл[ючительно] был избираем членом Подкущевского с/совета и в промежутки времени с 1920 по 1921 г. был председателем Подкущевского с/совета, в 1921 г. был избран председателем рай[онного] союза колхозов, [в] 1922–23 и 1929 г. был избран пред[седателем] с/совета хут[ора] Подкущевка, в 1924 г. председателем сель[ского] КОВА², в 1926 г. зам[естителем] уполномоченного Подкущевского З.О.³ и все время принимал активное участие в советских и общественных работах, что и удостоверяется.

Пред[седатель] с/совета

< подпись >

М.П.

Секретарь

< подпись >

Нотариально заверенная копия. Машинопись

¹ Районного отдела здравоохранения.

² Комитета общественной взаимопомощи.

³ Вероятно: земельного отдела.

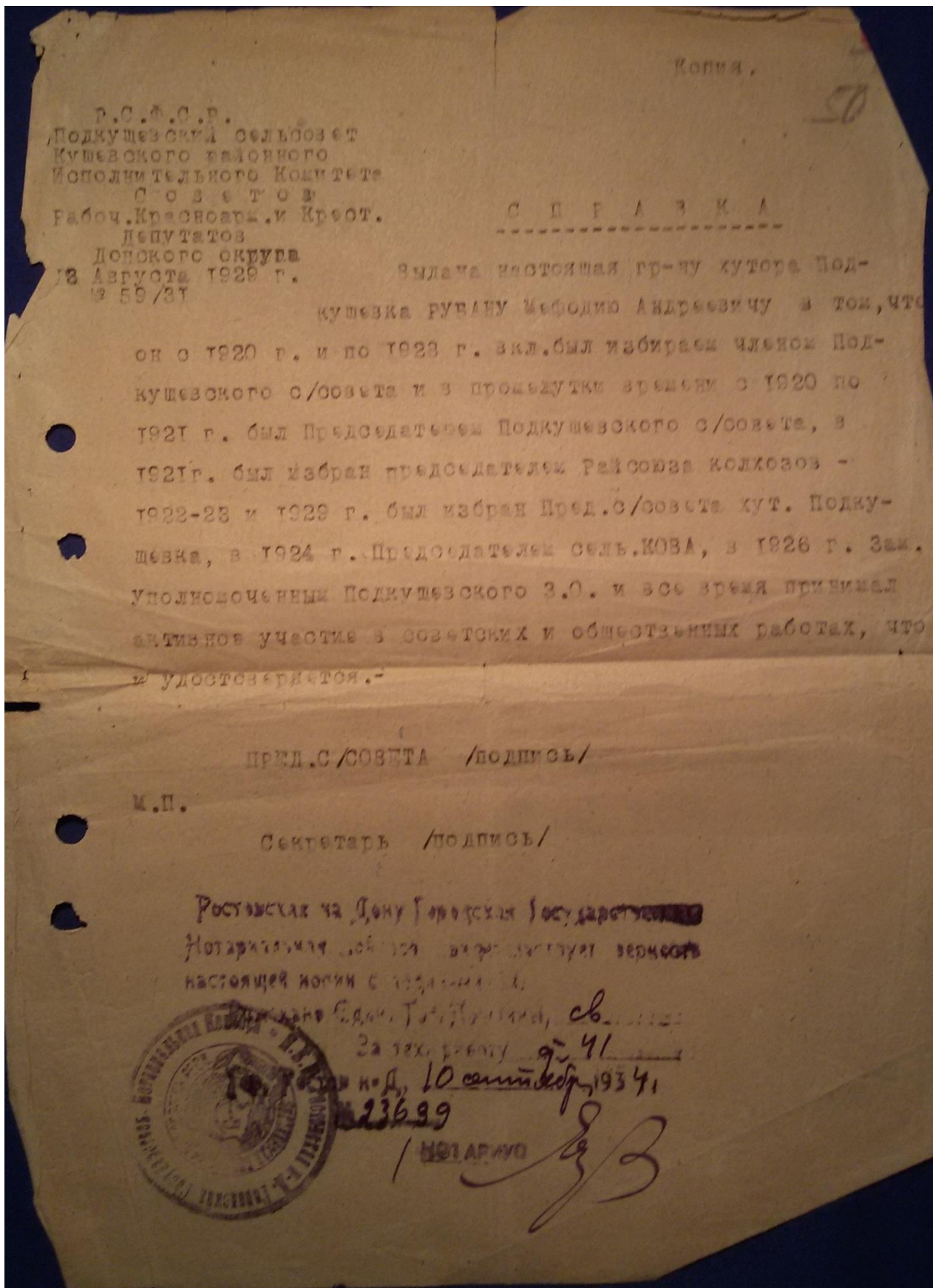

Рис. 6. Справка о занимаемых М.А. Рубаном должностях из Подкушевского сельсовета. Нотариально заверенная копия. 1929 г.

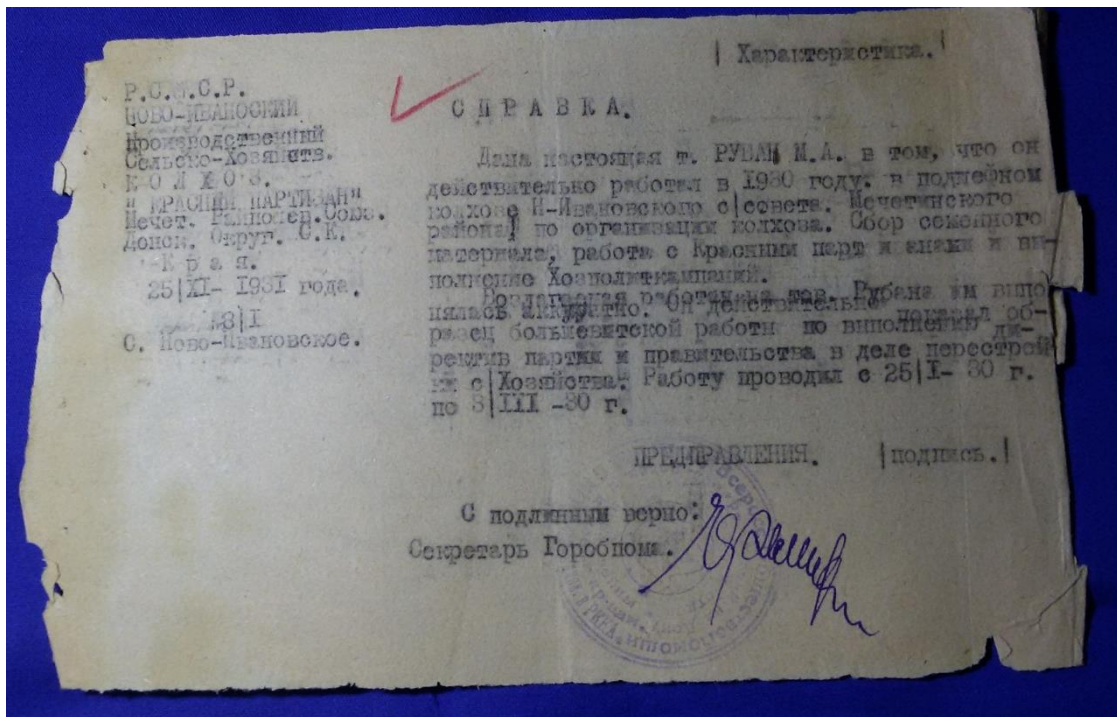

Рис. 7. Справка об участии М.А. Рубана в организации колхоза. 1931 г.

Мандат делегата от ячейки Международной организации помощи борцам революции № 297 при артели инвалидов «Промкомбинат» на VII Ростовскую-на-Дону городскую районную конференцию 28–29 мая 1930 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Международная организация помощи борцам революции
секция СССР¹

Ростовская-на-Дону городская организация МОПР

с правом решающего голоса

Мандат № 189

Предъявитель сего тов[арищ] Рубан М.А. действительно является делегатом от ячейки МОПР № 297 при арт[ели] инв[алидов] «Промкомбинат» на VII Ростовскую[-]н[а]-Д[ону] городскую районную конференцию, созываемую 28–29 мая 1930 г. в клубе «Доншахток» (просп[ект] Семашко, № 48).

Ответственный секретарь гор[одского] ком[итета] МОПР

(Хоменко)

Тип[ография] Греч[еского] изд[ательств]ва № 66-300

Организац[ионная] комиссия

Подлинник. Типографская печать

¹ Международная организация помощи борцам революции – благотворительная коммунистическая организация, созданная в 1922 г решением Коммунистического Интернационала. Средства от членских взносов участников должны были идти в фонд поддержки борцов за мировую революцию. В СССР в 1920–1930-е гг. насчитывалось около 10 млн членов МОПР. Просуществовала до 1939 г.

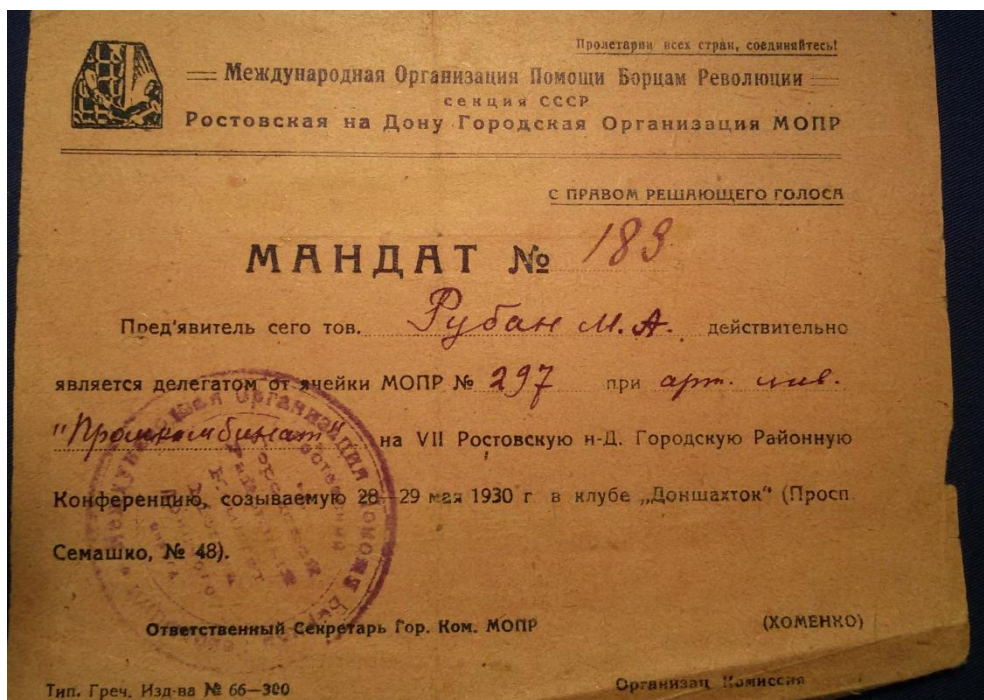

Рис. 8. Мандат делегата на конференцию МОПР. 1930 г.

Рис. 9. Билет делегата 5-го окружного съезда советов. Год не установлен.

**Извещение Центральной комиссии по назначению персональных пенсий
и пособий при Народном комиссариате социального обеспечения РСФСР
о назначении персональной пенсии**

Для предоставления в гос[ударственную]
труд[овую] сберкассу
Ростовскую-на-Дону № 6
3/XII-1929 г.

№ 51 0209

Извещение
о назначении персональной пенсии
№ 10209 /дела/

Гражд[анину] Рубану Мефодию Андреевичу
Адрес: Хут[ор] Подкущевский Кущевского района Донского округа С[еверо]-К[авказского]
края.

Копия Ростовской-на-Дону страх[овой] кассе для сведения.

Сообщается, что Вам с 1-го декабря 1929 г. назначена персональная пенсия в сумме
50 (пятидесяти) рублей в месяц.

Протокол комиссии № 4 от 21/XI-29 г.

Председатель комиссии
Секретарь комиссии
Ростов

/Салов/
/Решетников/

Копия. Машинопись

Рис. 10. Удостоверение персонального пенсионера М.А. Рубана. 1947 г.

**Справка Подкущевского сельсовета Кущевского районного исполнительного
комитета Совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов Донского
округа об отказе от земельного надела**

№ 74

25/XII-1929 г.

Дана гр[аждани]ну Рубан[у] Мефодию Андреевичу в том, что он действительно
отказался от земельного надела на четырех едоков.

Основание: Заявление.

Председатель
Секретарь

< подпись >
< подпись >

Подлинник. Рукопись

Выписка из протокола № 1 заседания комиссии Подкущевского сельсовета по проведению 12-й годовщины Октябрьской революции с поручением М.А. Рубану собирать материалы об участии жителей хутора Подкущевский в революционных событиях

Выписка из протокола № 1 заседания комиссии по проведению 12-й годовщины Октябрьской революции от 25/X–29 г. под председательством Попова при секр[етаре] <неразборчиво>.

Слушали:

1. О революционном участии Подкущевки.

Постановили:

1. Поручить т. Рубану собрать и привести в порядок исторический материал Подкущевки и поставить этот вопрос перед соответствующими организациями.

Председатель
Секретарь

Попов
<неразборчиво>

Подлинник. Рукопись.

Письмо-поздравление М.А. Шолохову от М.А. Рубана по поводу шестидесятилетия писателя

Добрый день, многоуважаемый
Михаил Александрович!

Поздравляю Вас с шестидесятилетием со дня рождения. Желая много-много лет жизни, здоровья и наилучших успехов в деле литературных творений для народа тепло и любовно¹ будущие наши поколения тепло и любовно вспоминали тебя, дорогой Миха[ил] Александр[ович].

А надо сказать, Михаил Александр[ович], что у меня с Вами тоже день рождения 24 мая. Лишь только в годах небольшая разница, так как я в настоящем году уже буду отмечать 71-ю годовщину своего рождения. Да ведь не особенно интересно отмечать 70–60 лет своего рождения. Куда было бы интереснее, если бы вдруг случилось так, чтобы можно было отметить, ну, хотя бы 40-ю годовщину своего рождения, да чтобы и видом и состоянием здоровья возвратился к тому возрасту. Но, к сожал[ению], это только несбыточные мечты и пожелания, и действ[ительность] совершенно иная наступила. Глубокая осень жизни. Взглянешь теперь и на ваши фотографии в газетах или в журналах, и не узнаешь ведь, каким выглядел молодым человеком Михаил Александрович в дни приезда к нам в Подкущевку. Как будто это было недавно, а вот минуло тридцать лет. Смотришь теперь – Шолохов белый, как лунь, играет с внучатами. А ведь в то время, наверное, сами детки были такими, как теперь внучата. Да, время не стоит и никакого нежданно. Надеюсь, Мих[аил] Але[ксандрович] не забыл Подкущевку, хотя людей ее, конечно, не помнишь, да и очень многих из них нету в живых. Но те, что остались, еще очень часто вспоминаем Вас. А я один из них, кому пришлось больше других с Вами общаться и беседовать в Подкущевке, да и когда и когда Вы ехали в Подкущевку, то заезжали ко мне на квартиру в Ростове, чтобы взять меня в Подкущевку. Но я был уже там.

В Гражданскую войну я был зам[еститель] командира бронепоезда «Истребитель № 1», а в конце 1917 г. – организатор и руководитель подпольной боевой революционной группы «Тринадцати». В настоящее время – кавалер ордена Боевого Красного знамени, персональный пенсионер республиканского значения РСФСР, инвалид второй группы с Гражданской войны, а теперь сломал меня тяжелый недуг – очень плохо с сердечной деятельностью. Перенес в резкой форме инфаркт миокарда и теперь очень ограничен в движениях. Ох, дорогой Михаил Алекс[андрович], как хотите, хотя бы раз еще повидаться

---

¹ В документе «тепло и любовно» зачеркнуто.

с тобою и многое рассказать тебе, и главное, рассказать, как жестоко и незаслуженно обидели Подкущевку. Ведь нашлись люди, которые фактически ликвидировали Подкущевку, да рассказать и многое другое, и не хотелось бы уносить с собой в могилу и то, что еще сохранилось в голове. Может быть, в ней оказалось бы что-нибудь полезным. Знаю, Михаил Александрович, частенько бываешь в Ростове, уважь, навести старика. Побеседуем, а может, еще что-нибудь сделаем.

С боевым товарищеским приветом М. Рубан
14 мая 1965 г.

Подлинник черновика. Рукопись

Воспоминания Мефодия Андреевича Рубана¹

В редакцию газеты «Известия»

Прошу Вас обратить серьезное внимание на мое письмо, так как в настоящее время с начала юбилейного года по всей нашей необъятной стране проводится большая работа по подготовке к празднованию пятидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции и сбору исторических революционных материалов. Вот я и решил кое-что написать, чтобы принять участие в этом важном деле, потому что есть о чем писать, о чем вспомнить. Я сам был участником тех событий, о которых хочу написать. Беда в том, что я малограмотный. Учиться возможности у меня не было, да, собственно, и детства не было, я взрослым стал, нужно было бить контрреволюцию, поэтому хоть с чужой помощью постараюсь изложить факты и события, свидетелем и участником которых я был.

Начну со своего родного села, в котором я родился и вырос, с которым и в настоящее время не теряю связи. Оно носило название Подкущевка (хутор Подкущевский). И хотя его называли хутором, справедливее все же его назвать рабочим поселком. Село располагалось на границе с богатой казачьей станицей Кущевской. Границей между ними служила небольшая речка Ея. Так как хутор Подкущевский был на территории Войска Донского, а станица Кущевская относилась к Кубанской области, поэтому формально она не была зависима от Кущевской. На самом же деле хутор был в большой зависимости (экономической и политической) от станицы.

Для кущевцев подкущевцы были «городовиками» (иногородними), поэтому были ненавидимы и презираемы кущевскими казаками, особенно богатыми. В связи с этим между ними происходили частые стычки и побоища. Подкущевцы были беззащитными и бесправными, так как хутор Подкущевский не был приписным селом, как соседние села, приписанные к Ильинской волости Ростовского-на-Дону округа, и их население имело даже мизерные наделы земли, население же Подкущевки не имело права пользоваться даже такими льготами. Все, кто селился на территории хутора, считались временно проживающими и были записаны в книге жандарма станции Кущевской по представлению полицейского урядника (без ведома самих проживающих). Селились подкущевцы на земле крупного землевладельца Бобкова, а позже эта земля (в количестве 620 десятин) перешла во владение купца второй гильдии Нечаева Петра Григорьевича и его жены Таисии Васильевны. А когда сам Нечаев сошел с ума, то полной хозяйкой стала его жена. Ох, и лютая была барыня!

Вот на этой земле и селились жители Подкущевки. Но прежде чем поселиться, они должны были обратиться к господам Нечаевым и выпросить клочок земли (примерно 20-ю часть десятины), чтобы построить халупу или вырыть землянку. Но господа Нечаевы не каждому давали землю. Если им почему-то не нравился проситель, то земли ему не давали и не разрешали селиться на территории Подкущевки.

¹ Воспоминания помечены 1967 г., годом 50-летия революции. Однако материал для них собирался более 30 лет. По словам Ю.Г. Рубана, оформить текст деду помогала женщина-машинистка (фамилии он не помнит). Ею, по всей вероятности, и была произведена первоначальная орфографическая и стилистическая корректировка текста.

Тот, кому это разрешали, должен был подписать ими же самими выработанный договор. Договор был очень жестким. По требованию господ застройщик должен был в 24 часа освободить и очистить занимаемое им место, а строение свое куда хочешь девай, но договор выполняй. Причем по договору не разрешалось строить кирпичных или каменных строений, даже фундамента нельзя было заложить из таких материалов. Не разрешалось держать никакого скота, кроме лошади, а также производить древонасаждения в своих дворах. Подписавший такой договор должен был вносить за полученную землю арендную плату в размере 12 рублей в год при условии, если у него одна труба на крыше. А если две трубы, платилось 24 руб[ля] (плата за дым). Для бедноты деньги эти были очень большими, и взять их было неоткуда. Если кто-нибудь в течение двух лет не платил арендной платы, то на третий год Нечаевы вызывали судебного следователя, производили опись имущества неплательщика, продавали его с молотка за бесценок, а его самого (неплательщика) прогоняли с земли. И немало людей подверглось такой участи.

Горькая судьба ожидала и тех подкущевцев, которые старились или получали увечье на работе, вынуждены были одевать «боковик» и «горбовик»¹ и просить подавание в богатых казачьих станицах и хуторах, и этим существовать. И это несмотря на то, что в Кущевке и ее окрестностях была такая масса хлеба, что его в течение года до нового урожая не успевали вывозить на хлебные ссыпки и на станцию железной дороги для отправки в другие места. А подкущевская беднота голодала, да и не только голодала, но и жила в холоде, так как обогревались землянки бурьяном. Углем топили тогда еще мало, да и стоил он дорого. А деньги ох как трудно было заработать! Труд рабочего батрака ценился очень низко. Например, в самый горячий сезон на уборке урожая (рабочий день длился 16–18 часов) самому здоровому мужчине платили один рубль в день, а остальным 80 и даже 60 копеек. Женщины получали 40 копеек. Но работы эти длились недолго (1,5–2 месяца в году). В остальное время года и этого негде было заработать. Правда, были еще хлебные ссыпки крупных хлеботорговцев, но туда на работу было попасть очень трудно. Человек должен был идти на ссыпку в 11–12 часов ночи, чтобы получить работу. Кроме того, нужно было попросить еще «гавкала», чтобы устроил на работу, а за это вечером ему ставилась полубутылка водки с закуской, за которые приходилось отдавать половину заработка, а иначе работы не получишь. Заработная плата и здесь была такой же: мужчине – 1 рубль 80 копеек в день, женщине – 40 копеек. Людей на ссыпку приходило так много, что только 25–30% могли попасть на работу. Работа на ссыпке была очень тяжелой. Здесь производили очистку, сортировку, наборку, погрузку и разгрузку зерна. Работы производились в амбарах, под навесами, где не было никакой вентиляции, а зерновая пыль удушлива. Рабочий день длился не меньше 20 часов. Начинали работу в 2–3 часа ночи, а заканчивали в 9 вечера, причем перерывов никаких не было, кроме пятиминутных перекуров. И если есть у кого-нибудь в кармане кусок хлеба, тот пожует, а у кого нет, тот, как говорится, покурит да поплюет. А «гавкалы» бегают да подгоняют, чтобы веселей работали. Вот как жили подкущевцы – украинцы, белорусы, поляки, латыши, финны, эстонцы, бессарабы, цыгане, евреи, татары, чуваша, мордва, армяне, грузины, даже были иностранцы: немцы, турки, греки, австрийцы, чехи, югославы, итальянцы, французы, но большинстве все же наши – российские люди. Были беглые, которые убегали из своих родных мест от тяжелой нужды и горя, от полиции и от отцов духовных. Здесь они надеялись найти свое счастье, лучшую жизнь, но, увы, и здесь ждала их нужда, голод, эксплуатация, полное бесправие. И вот такие условия жизни заставили подкущевцев искать какого-то выхода, чтобы улучшить свою жизнь. Поэтому подрастающее поколение стало приобретать квалификацию. Этому способствовали близлежащие промышленные центры: Ростов-на-Дону, Таганрог, своя железная дорога, где требовалось все больше и больше рабочей силы, да и работа была постоянной. Начала развиваться промышленность и в самой станице Кущевской. Появились каретно-бричные, кожевенные, сапожные, деревообделочные и другие предприятия. К тому же вокруг Покущевки было очень много хуторов крупных кулаков, которые имели от 50 до 1000 десятин земли, были и крупные помещичьи имения, где земли было и до 10 000 десятин. Их называли экономии. И на этих землях работала подкущевская беднота, таким образом, в Подкущевке появилось много рабочих, мастеровых. В связи

¹ Деревянные, берестяные или металлические коробки на лямках.

с образованием рабочего класса началось брожение, классовое недовольство. К концу 90-х гг. 19 столетия начали создаваться небольшие революционные группы из более сознательных и революционно настроенных рабочих, особенно из тех, которые работали в городах, а особенно это движение усилилось и расширилось после 1902 г., когда в Ростове-на-Дону была проведена политическая стачка рабочих, о которой даже В.И. Ленин не раз вспоминал в своих статьях и выступлениях. И уже накануне Русско-японской войны в 1903–1904 гг. в Подкущевке была организована настоящая боевая революционная группа Новочеркасского комитета – группа Российской социал-демократической партии, которая имела свою печать и свое руководящее ядро, куда входили: портной Новиков Алексей Павлович, Руднев Василий Васильевич, Руднев Николай Васильевич (братья-студенты, сыновья местного попа) и совсем еще молодой парень, которого звали Жора, но фамилия его осталась неизвестной.

Собирались сначала тайно ночами, а иногда и днем в праздники у наиболее передовых и надежных товарищей, где проводили беседы, читки нелегальной литературы и разъясняли, как необходимо рабочим вести жесткую и упорную борьбу за свои права. Часто в Подкущевку приезжали агитаторы из революционных организаций Ростова, Новочеркасска. В летние дни часто собирались в степи в камышах Заячьей балки, где проводились расширенные собрания и митинги, а летом в 1905 г. стали открыто организовывать широкие массовые демонстрации под красными знаменами, где принимала участие масса народу. Сначала выходили из камышей Заячьей балки более передовые активные товарищи во главе с руководителями подпольной организации, неся в руках развернутые красные знамена, и направлялись по улице Подкущевки к центру. По пути к ним присоединялся народ (и стар, и млад). Пройдя по всем улицам, выходили на центральную церковную площадь и здесь устраивали митинг. У демонстрантов было три знамени. На одном были написаны слова «Долой самодержавие!», на другом «Да здравствует восьмичасовой рабочий день!» и на третьем «Земля и воля». Так было 15 августа 1905 г. по старому стилю в праздник Успения и 14 сентября – Воздвижения креста господня. Весь народ Подкущевки был празднично одет, и не по случаю праздников, а по случаю такого события, многие высказывали свои мысли вслух о том, что скоро царя не станет и всем будет воля. Полицейский урядник¹ Подкущевки и его помощники демонстрантов не трогали, видимо, боялись, не фиксировали, кто какую роль играл в демонстрации. А атаман станицы Кущевской Подкущевки не касался, но у себя в станице на мосту выставлял усиленную охрану из вооруженных казаков и приказывал никого из Подкущевки в станицу не пускать. Но рабочие, мастеровые станицы, даже некоторые казаки из бедных бывали на демонстрациях. С этих пор Подкущевка стала колыбелью революции для окружающих сел. Об этих демонстрациях прошли слухи, а подкущевцев стали побаиваться окружающие кулаки. Но летом 1906 [г.] случилась беда. Нашлись подлые люди среди подкущевцев, которые выдали руководителей подпольной организации, приехали жандармы из Ростова и их арестовали (Новикова Алексея Павловича и братьев Рудневых и Жору). В Ростове их судили. Новикову и Рудневым дали по 12 лет каторги, а потом вечное поселение в Сибири, а Жору не то расстреляли, не то повесили. Так был разгромлена революционная организация в Подкущевке. Но дух революционный у подкущевцев сломлен не был. Он креп и закалялся у них в последующие годы. Часто производились денежные сборы в пользу заключенных революционеров и сдавались в революционные организации Ростова и Новочеркасска. Часто молодежь на улицах распевала революционные песни, и нередко в ночное время происходили столкновения с полицейским урядником и стражниками, так что им приходилось пускать в ход свои револьверы, но, несмотря на это, иногда им добре попадало, а когда началась первая мировая война в 1914 г. и была объявлена мобилизация, подкущевцы ходили группами по улицам, пели революционные песни и выкрикивали лозунги: «Долой самодержавие», «Долой войну», призывали скрываться, чтобы не идти воевать «за веру, царя, отечество, за черта, попа и купечество». Но что поделаешь? Сила была на стороне царя и капиталистов, и людей гнали на убой.

¹ Нижний чин уездной полиции.

Было у подкущевцев и тем нехорошее положение, что село было не приписное (как говорили: «У бога не прописано, у черта не отмечено»), поэтому парням, достигшим призывного возраста, нужно было ехать туда, где родились и приписаны их отцы, чтобы «выправить» документы. Из-за этого при призыве в армию они теряли связь друг с другом. Правда, можно было сделать перевод, чтобы призываться в Ростове, Ейске, но за перевод полицейский урядник брал пять рублей, а это не всем было под силу.

Вот и я был в числе таких бедняков, так как отец умер, когда мне еще и пяти лет не было. Со мною остались еще два младших брата (один двух лет, второй – шести месяцев). Позже мать вышла замуж вторично, но вскоре и отчим умер, но в семье прибавилось еще две сестренки, а я был самым старшим работником. Ребенком еще слепых нищих водил. В общем, пока малым был, никому не был нужен, и никто не видел, сыт ли, голоден ли, одет ли, гол ли, а вот, когда стал зарабатывать для семьи (я был кузнецом), сразу стал нужен и царю, и полиции. Призвали меня в армию. Но плохой вышел из меня защитник царя и отечества. Все же начали меня разыскивать, чтобы призвать в армию. Работал я тогда в Ростове в брично-каретной фабрике Залштейна. А была это весна 1914 г. Я тогда еще не принадлежал призыву на военную службу, так как мой год должен был призываться в 1915 г. (я родился в 1894 г.). Но на родине моего отца в Харьковской губернии Волчанского уезда в волостном правлении произошла путаница с моими документами о рождении, и меня начали разыскивать как скрывающегося от воинской повинности, а поэтому в Подкущевке к моей матери несколько раз приходил полицейский урядник и хотел узнать, где я, но не говорил в чем дело и зачем я ему нужен. Мать сказала, где я работаю и живу. Вот в один прекрасный день на фабрику, где я работал, явились два полицейских чина, разыскали меня, предложили мне собрать вещи и следовать за ними, но вещей у меня никаких не было, кроме тех, какие были на мне, и я только попросил у них разрешения получить в конторе то, что заработал. Они разрешили, а затем отвели в участок, допросили, кто я и откуда, а затем направили в жандармское управление, где тоже допросили и обвинили в том, что я скрываюсь от воинской повинности, что я дезертир, а я еще и слова такого не слышал. Я пытался им доказать, что мне еще не пришло время призываться, но мне предложили замолчать и сказали, что меня давно разыскивают. Так я у них двое суток просидел в камере предварительного заключения. Затем меня этапным порядком направили в Харьковскую губернию в Волчанский уезд в распоряжение воинского начальника. Пришлось шагать пешком километров 600, а время было теплое, даже жаркое, а жандармы были жирные, как боровы. Станут останавливаться отдыхать, а я настаиваю, давайте, мол, идти, надо торопиться, а то опоздаем, все места займут, придется обратно меня в Ростов вести. Они хоть и ругаются, но идут, а ругались крепко. Я им говорю, что они не имеют права меня ругать, так как я уже наполовину солдат, а там, глядишь, месяца через два-три стану жандармом или жандармским офицером, вот тогда они попляшут передо мной, а они еще крепче ругаются. Наконец пришли в большое село Еремовку (это был уже Волчанский уезд), был вечер, и жандармы решили здесь заночевать. Зашли в волостное управление. Меня посадили в арестное помещение волостного правления. Вскоре управления собралось много людей, молодых и старых, так как была пасха. Вот они и собрались посмотреть на узника, а когда узнали, что я за преступник, то начали нести сюда всякую снедь, чтобы меня накормить. Даже водку принесли. Начали было угощать и жандармов, но выступил старик и громогласно всем заявил, чтобы «этим собакам» не давали ничего, а угощали меня. Так жандармы и ночевали «на сухую», зато я, как говорится, был и сыт, и пьян. На следующий день меня доставили в г. Волчанск и сдали в распоряжение воинского начальника, который на несколько дней освободил меня и дал мне возможность побывать в родном селе отца, пока он подбирал группу новобранцев, с которой и отправил меня в г. Козлов (ныне Мичуринск) в 64-й запасный батальон, 1-ю роту, в 1-й взвод и 1-е отделение. Так я стал солдатом армии «Его Императорского Величества». В Козлове я прослужил почти год. На фронт меня не отправили, как специалиста по кузнечному делу (такой был тогда приказ), и летом 1915 г. меня в числе других специалистов откомандировали в Москву в распоряжение 1-го отделения конского запаса 1-го гусарского Сумского полка в качестве кузнеца. Здесь со мной вместе служили и московские, и подмосковные товарищи кузнецы, да и другие специалисты. Через них я стал общаться с московскими рабочими, а особенно с кузнецами. Нередко от них я слышал

разговоры о революции, войне, о том, что рабочие должны готовиться к предстоящей борьбе с царским самодержавием, капиталистами за политические права, за улучшение своей жизни, что войну надо кончать, а солдат распустить по домам.

И вот в конце февраля 1917 г. грянула Февральская революция. Я тогда служил еще в Москве и, независимо от солдат своей части, присоединился к солдатам, части которых с первого дня революции перешли на сторону восставших. Это было в ночь на 1 марта. Вместе с солдатами вылавливал по городу городских, приставов, жандармов, которые в те дни рядились во всякие шкуры (дворников, ломовых извозчиков, даже продавцов горячих пирожков), пытаюсь скрыть свою личину, но их в большинстве случаев опознавали мальчишки, нередко и сами рабочие и их жены, и указывали их солдатам, а мы их забирали и отправляли куда следует. Арестовали некоторых офицеров и отцов духовных, которые прятали в своих церквях большие запасы продовольствия и оружия, а в ночь на 2 марта мы открыли большую воинскую гауптвахту в Хамовниках. Вся охрана разбежалась вместе с начальством, а ключи унесли или забросили, и нам пришлось сбивать замки, ломать двери, благо, что конюшни наши были рядом, где из кузницы мы взяли молотки, ломы... На гауптвахте сидело много солдат, были заключенные, осужденные на разные сроки. Арестованные были сильно изнурены, многие сильно избиты. Когда открыли все камеры и стали кричать, что произошла революция, многие сразу не поверили, а потом стали нас благодарить и кричать ура. Многих пришлось выводить из камер, так как они не могли выйти сами. Здесь произошел тяжелый случай. Один из арестованных, осужденный на 12 лет, от радости сошел с ума и его отправили в больницу. Было страшно наблюдать за тем как многих, арестованных восставшим народом, направляли в Городскую думу (теперь музей В.И. Ленина), а оттуда некоторых в «Бутырку»¹, но потом их почему-то скоро освобождали. Видимо, уже тогда Временное правительство² во главе с Керенским³ из этих типов готовило себе защитников контрреволюции.

И вот я участвовал в таком бурном движении среди рабочих, которые больше меня понимали и знали жизнь и борьбу рабочего класса. Я бывал на митингах, собраниях. И здесь я впервые услышал имя, которое стало для меня самым дорогим – это имя В.И. Ленина, а потом я и сам стал выступать на собраниях рабочих. Например, на шелкопрядильной фабрике Журова, на снарядном заводе в Хамовниках, а в то время рабочим очень интересно было видеть у себя выступающих солдат, которые говорили об окончании войны.

Помню, было это 10 мая 1917 г. на Девичьем поле⁴, состоялся большой митинг, где выступало много ораторов. Трибунами служили столы, ящики и всякие возвышения. И всем ораторам, о чем бы они ни говорили, аплодировали. Вот и я осмелился, поднялся на стол, и смелость сразу покинула меня, но все же я начал говорить. Трудно от волнения было найти слова, но говорил о немедленном прекращении войны, о роспуске солдат по домам, о восьмичасовом рабочем дне, об улучшении жизни рабочим, о наделении крестьян землей. А когда я сошел с трибуны, ко мне подошли два пожилых рабочих и стали меня благодарить. Один из них сказал, что выступил я правильно, по-большевистски. Но я сказал ему, что я не большевик. Тогда он спросил удивленно, кто же я такой, я сказал, что я – кузнец, и что я из Ростова. Тогда он мне сказал, что я еще дурак, но со временем пойму, кто я такой. Он пожелал мне не сбиться с пути, по которому иду, и еще раз поблагодарил меня.

На этом же митинге производилась запись добровольцев в ударные батальоны смерти⁵ и в женские батальоны¹, из которых готовилась подлая гвардия Керенского. Ведь в то время

¹ Бутырская тюрьма – одна из самых старых и известных в России (с конца XVIII в., современное здание построено в 1879 г.). В настоящее время – Бутырский следственный изолятор.

² Высший законодательный и исполнительный орган государственной власти в России между Февральской и Октябрьской революциями.

³ Керенский Александр Федорович (1881–1970) – российский государственный и политический деятель. С 7(20) июля по 26 октября (8 ноября) 1917 г. – министр-председатель Временного правительства.

⁴ Историческая местность в излучине Москвы-реки в нынешнем районе Хамовники к северу от Новодевичьего монастыря до Садового кольца.

⁵ Отборные части, формировавшиеся в Русской императорской армии в годы Первой мировой войны для прорыва обороны противника. Весной 1917 г. в связи с развалом армии стали превращаться

Временное правительство уже готовилось к широкому наступлению на фронтах, и все же находились такие люди, которые записывались добровольцами в эти батальоны. Но кто-то для них придумал хорошую форму (черная с белыми кантами и лампасами, эмблема с черепом и костью). Получилось, что их заживо одевали в траур. Так оно и получилось в дальнейшем. От всех от них только и остались кости да черепки.

Тогда же в мае 1917 г. меня откомандировали в г. Ярославль в 18-й понтонный батальон в качестве кузнеца, и с этим батальоном в июне я попал на западный фронт на участок 5-й армии. Наш батальон расположился близ города Двинска. Здесь вскоре солдаты избрали меня председателем солдатского комитета команды ездовых нашего батальона и членом батальонного комитета. Здесь мне приходилось уже встречаться с настоящими большевиками, и здесь я действительно понял и вспомнил о том, что сказал мне старый рабочий на митинге в Москве. А когда проходила подготовка к выборам в Учредительное собрание, я ездил агитировать по селам и воинским частям и разъяснял, за какой список надо голосовать. Партия большевиков проходила по списку № 5.

В середине ноября 1917 г. мне дали кратковременный отпуск, и я уехал домой. Не буду описывать, как ехал, но приходилось ехать и идти пешком, так как от Курска до Белгорода приходилось воевать с гайдамаками², с петлюровцами³, ближе к Таганрогу стали появляться калединские офицерско-юнкерские банды. В Ростове господствовал генерал Каледин⁴. Итак, в ноябре 1917 г. я прибыл в родную Подкущевку. Здесь тоже было не очень радостно, так как в то время во всех иногородних селах Донской области, не исключая и Подкущевки, у власти были комитеты общественной безопасности, в которых засели помещики, кулаки, попы, торговцы, эсеры и меньшевики. В Подкущевском комитете были: крупнейший кулак Кроливецкий И.М., молодой барин Нечаев К.П., поп Владимир, Удовиченко Алексей Иванович, о заслугах которого сказано выше, несколько торговцев, лавочников, эсер подпрапорщик Малютин и другие им подобные; а в кубанских станицах, в том числе и в Кущевской, у власти были атаманы со своими помощниками, полицией и вооруженными казаками, а на станции Степной (19 километров от Кущевской)⁵ стоял отряд калединских бандитов.

Многих подкущевцев война разбросала по разным фронтам, многие вернулись инвалидами, а многие и вовсе не вернулись. Вот тут-то и пришлось задуматься над тем, как осуществить лозунг «Вся власть Советам!», выдвинутый В.И. Лениным. Власть должна принадлежать рабочим и беднейшему крестьянству, а Подкущевке такая власть особенно необходима, но об этом тогда еще нельзя было громко говорить. Приходилось начинать с небольшой группой в 2–3 человека. Обсуждался этот вопрос где-нибудь в укромном месте и больше в ночное время. Потом постепенно круг единомышленников стал расширяться. В него вошли солдаты-фронтвики, более сознательные и настроенные по-большевистски, да и гражданские из старшего поколения, которые еще в 1905 г. принимали участие в революционном движении (Самсонов Алексей Михайлович, матрос Черноморского флота Божко Иван Семенович), были и молодые товарищи (Попов Иван Иванович, которому было 19 лет). Так в Подкущевке была организована подпольная революционная группа «Тринадцать». Название было дано по числу ее членов. Все члены этой группы указаны

в особые воинские части, состоявшие из добровольцев, остававшихся верными присяге. В качестве символов и эмблем использовалось изображение черепа со скрещенными костями в знак готовности умереть за Родину.

¹ Военные формирования, созданные Временным правительством из женщин, главным образом с пропагандистской целью – поднять патриотический настрой в армии и устыдить собственным примером солдат-мужчин, отказывавшихся воевать.

² Украинские вооруженные формирования в годы Гражданской войны, воевавшие и с белыми, и с красными за создание независимого украинского национального государства.

³ Вооруженные силы Украинской Народной Республики, создававшиеся с 1917 г. (по имени украинского государственного и военного деятеля С.В. Петлюры (1879–1926)).

⁴ Каледин Алексей Максимович (1861–1918) – генерал от кавалерии, Донской войсковой атаман в 1917–1918 гг. После восстания ростовских большевиков в конце ноября 1917 г. повел с ними активную борьбу, захватил Ростов и Таганрог.

⁵ В настоящее время – в Приморско-Ахтарском районе Краснодарского края.

в памятном списке, который здесь прилагается. Было условлено между членами группы не называть себя по фамилиям, а избрать себе номер от 1-го до 13-ти и называться только по номеру, также была установлена строгая ответственность за сохранение в тайне существования группы, а тот, кто разгласит эту тайну, карается смертью (отсечение головы). Тайной квартирой группа избрала подвал заброшенной «монопольки» (казенной винной лавки). На первом собрании были утверждены номера за каждым членом группы, избрали руководящий состав и распределили обязанности для некоторых членов. Я был избран единогласно организатором и руководителем группы. Нежелский Ефим Андреевич был избран моим заместителем, Попов Иван Иванович – секретарем (так он потом и остался секретарем первого Совета рабоче-крестьянских и солдатских депутатов в Подкущевке), Самсонов А.М. – военным руководителем, Тютюнников Никодим Александрович – начальником местной самообороны. У всех членов группы, за исключением Попова и Барыбина, имелось оружие, привезенное с фронта (винтовки и патроны к ним, а у меня и у Нежелского еще и наганы, у Самсонова – наган и браунинг, который он передал Попову). На этом же заседании было решено создать еще вооруженную команду, но оружия для нее не было. Знали мы, правда, что у некоторых фронтовиков оружие есть, но не всякому можно было говорить об организации. Поэтому каждому члену группы было поручено проводить частные беседы среди своих родственников и близких друзей, а в беседах больше касаться темы об организации вооруженной красногвардейской дружины, которая могла всегда быть готовой ко всякой случайности, а вообще нести местную охрану. Таким образом, был создан хороший актив из фронтовиков и молодежи и выявлено наличие оружия. Оказалось примерно 100–110 винтовок и к ним приличное количество патронов (не меньше 200 штук на винтовку), несколько наганов, штук 30 ручных гранат и 7 кавалерийских шашек. Этим оружием можно было вооружить до 150 человек. Тогда группа «Тринадцать» на очередном заседании приняла решение в ближайшее время созвать общее собрание, на котором открыто поставить вопрос о ликвидации комитета общественной безопасности, о выборах Совета рабоче-крестьянских и солдатских депутатов и об организации красногвардейской дружины в порядке добровольной записи. В одно прекрасное утро ударил церковный колокол (так раньше собирали на собрание). Собрание было созвано на церковной площади, на которой еще в 1905 г. проходили митинги. На собрание пришло почти все взрослое население Подкущевки. На этом собрании председательствовал я. Я же делал и доклады по обсуждавшимся вопросам. По вопросу о выборах совета нашлись противники с эсеровскими и меньшевистскими убеждениями (Малютин Иван Филиппович, Оверченко Петр Тихонович, Удовиченко Алексей Иванович, Мирочкин Иван Андреевич). Они пытались запугать бедноту тем, что рядом кущевский атаман с казаками и на станции Степной калединский офицерский полк. Тогда пришлось выступить некоторым членам группы «Тринадцать» и дать отпор этим попыткам. Выступали Рубан М.А., Попов И.И., Нежелский Ефим Андреевич, Барыбин Е.А. Я в своем выступлении резко заявил, что подкущевцам не будет большей беды, чем та, которую они пережили, а все, кто попытается мешать нам устанавливать советскую власть, новую жизнь и проводить в жизнь лозунг партии большевиков и законы советской власти, будут крепко биты. Обратился с призывом вступить в последний бой с контрреволюцией. Наши выступления произвели большое впечатление. Большинство населения Подкущевки, за исключением нескольких зажиточных, решило распустить комитет общественной безопасности, а вместо него избрать Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, но ввиду позднего времени решили выборы совета перенести на завтра и тут же начали производить запись добровольцев в боевую красногвардейскую дружину. Первыми в нее записались члены группы «Тринадцать», за исключением Бойко, Барыбина, Матяшева, Нежелского. В первый день записалось около 100 человек. На следующий день собрание было созвано вновь (это было 6 или 7 января 1918 г.), где и были выбраны члены совета. Чтобы не обострять отношений с зажиточной частью подкущевцев, согласились председателем совета избрать зажиточного мужика, имевшего батраков, Головацкого Мефодия Ивановича, но заместителями его были избраны члены группы «Тринадцать» – Рубан Мефодий Андреевич и Нежелский Ефим Андреевич, а секретарем первого совета был избран секретарь группы «Тринадцать» Попов Иван Иванович. Кроме того, Рубан М.А. был избран председателем продовольственного комитета, а продовольственный

вопрос был, пожалуй, самым острым. Происходила тяжелая борьба со спекуляцией, мешочничеством, конфисковывались продовольственные запасы, а особенно хлебные, у крупных помещиков, кулаков, торговцев, и снабжалась беднейшая часть населения. В Подкущевке особенно много было таких нуждающихся, уже тогда голодавших, а особенно семьи солдат, не вернувшихся с фронта, хотя хлеба было здесь очень много, но он находился у кулаков да помещиков, а их защищали атаманы и войска Каледина. Но, несмотря на все это, уже с первых дней января 1918 г. стал функционировать Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и проводил в жизнь политические, экономические вопросы, но нам было очень тяжело, так как мы были отрезаны от революционного мира. Ни с кем не было связи, мы не получали никаких указаний инструкций. У нас не было опыта революционной борьбы. Мы руководствовались революционным сознанием и тем, что поняли на фронтах. Группа «Тринадцать» являлась как бы большевистской фракцией при совете. Все назревавшие вопросы обсуждались на заседании группы, а затем выносились на обсуждение совета, а при надобности и на общее собрание.

Очень важным вопросом был вопрос добывания оружия, так как у многих, записавшихся в дружину, его не было. Мне и Петрову пришлось дважды ехать в Ростов в подпольный областной комитет партии большевиков и обращаться к самому товарищу Васильченко¹ по поводу оружия. Нам обещали, и оружие было, но доставить его к нам было нельзя. Тогда Васильченко посоветовал обратиться в ревком в г. Тихорецке. В Тихорецк ездили я и Нежелский. Мы договорились с ревкомом, и они согласились доставить нам 400 винтовок и пулемет, но когда представится такая возможность. К счастью, она вскоре представилась, и мы получили обещанное оружие. Когда мы вооружили первую группу, мы решили взять под охрану все мосты через реку Ею, в том числе и железнодорожный мост главной линии Владикавказской железной дороги, а также взять под охрану почту в станице Куцевской и железнодорожную станцию Куцевскую. До этого эти объекты никем не охранялись; на этих участках круглосуточно дежурили наши караулы, строго соблюдая воинскую дисциплину и порядок, особенно на станции, где приходилось вести борьбу с мошенничеством и спекуляцией, вылавливать беглых контрреволюционеров, а особенно переодетых офицеров, которые пытались тайно пробраться на Кубань и на Кавказ. Их ловили и отправляли в Тихорецкий ревком, а некоторых в штаб генерала Духонина².

Кроме того, наши караульные обращались с призывом к солдатам, едущим с фронтов домой с оружием, отдать это оружие своим товарищам-большевикам, и многие сдавали, а для оправдания просили расписки, так как думали перед кем-то отчитываться. Нам удалось собрать еще десятка три винтовок, много патронов, несколько шашек и четыре нагана.

После вооружения дружины и выборов совета подкущевцы решили провести массовую демонстрацию, чтобы показать свою готовность к борьбе с контрреволюцией. Демонстрация была приурочена к 9 января 1918 г. День был погожий, теплый, в Подкущевке собралось много народу. При полном боевом вооружении дружина (были и флаги слозунгами «Мир хижинам, война дворцам», «Вся власть Советам», «Заводы и фабрики – рабочим, земля – крестьянам») сначала собралась на церковной площади. Провели митинг. Сюда пришло много людей и из Куцевской. После митинга прошли по улицам Подкущевки, а затем решили пройти по станице Куцевской. Все демонстранты пели революционные песни. По дороге к нам присоединились куцевские мастеровые и бедные казаки. Атаман никаких мер против демонстрации не предпринял, видимо, боялся. Эта демонстрация подняла боевой дух мастеровщины и бедной части казачества. Сейчас, конечно, легко писать об этом, но тогда все это было нелегко.

На очередном заседании совета группа «Тринадцать» внесла на обсуждение совета следующие вопросы: провести немедленно у кулаков точный учет всех продовольственных и семенных материалов, взять на учет весь крупный и мелкий рабочий скот, взять на учет

¹ Васильченко Семен Филиппович (1884–1937) – профессиональный революционер-большевик. В 1917 г. возглавлял Ростово-Нахичеванский комитет большевиков. В конце 1917 г. активно участвовал в боях с калединцами. После захвата А.М. Калединым Ростова бежал в Харьков.

² После жестокого убийства 20 ноября 1917 г. в Могилеве генерал-лейтенанта Н.Н. Духонина, выражение «отправить в штаб Духонина» стало означать смертную казнь.

всю землю, разбить ее на качественные категории, конфисковать землю у кулаков и помещиков и приступить к наделению землей бедняков, и начать подготовку к весенним полевым работам. Те предметы, кои принадлежат изъятию у кулаков, но их некуда деть, так как у совета нет складских помещений, оставлять у тех же владельцев под сохранные расписки с предупреждением о строжайшей ответственности в случае израсходования или уничтожения таковых. Все эти мероприятия проводились в очень строгом порядке. Никакой поправки кулакам не давалось. В проведении этих мероприятий активно участвовали мастеровые и бедняки Подкущевки, но и кулаки упорно сопротивлялись, так что иногда приходилось браться за оружие, чтобы заставить их признать советскую власть.

Было принято и такое решение на заседании совета, чтобы послать в Москву и Петроград двух человек для связи с центром и получить указания, как действовать. Были посланы члены группы «Тринадцать» Самсонов и Барыбин, которым было поручено добиться приема у В.И. Ленина, но этого им не удалось. Их приняли в секретариате Совета народных комиссаров¹ и дали руководящие указания, некоторую литературу, но им пришлось долго добираться домой, так как по дороге часто происходили бои с контрреволюцией, а за это время Ростов был занят советскими войсками и в нем была организована советская власть. Организовался областной центр советской власти в марте 1918 г. Тогда и нам стало легче. Из Ростова мы стали получать указания и даже некоторую материальную помощь, а до этого было очень тяжело, потому что у нас совершенно не было материальных средств и занять было неоткуда, даже на канцелярские принадлежности.

Как уже сказано выше, нам приходилось вести жестокую борьбу со спекулянтами, а через Кущевскую и Подкущевку пролегла большая дорога от Новороссийска от Черного моря и до Москвы, так называемый Обрезной шлях. И вот однажды мне, как председателю продовольственного комитета, доложили, что задержаны на мосту нашей охраной крупные спекулянты с продовольствием. Четыре спекулянта с четырьмя подводами везли очень много сала свиного (более 100 пудов), масло, яйца. Мы конфисковали у них не только продукты, но и транспорт, а их отпустили. Тогда они пробрались в Петроград в Совнарком и каким-то образом достали мандат за подписью самого Троцкого² со строгим указанием о немедленном возвращении всех продуктов. Документ вызвал переполох, но и недоверие. Я решил не починяться распоряжению. Всю ответственность за это я взял на себя, а самих спекулянтов приказал арестовать и отправить в Тихорецкий ревком. После проверки в ревкоме оказалось, что это не только крупные спекулянты, но и матерые шпионы, а их мандат на возврат продуктов оказался липовым. Этим спекулянтов отправили в штаб генерала Духонина.

Я как-то узнал, что в Кущевской работает какая-то комиссия по закупке свиного сала для армии, а для какой армии было неизвестно. В комиссии был какой-то полковник и один кущевский делец, господин с контрреволюционными наклонностями (Карпенко Ф.С.). Сала у них было наготовлено очень много (больше вагона и полный подвал Лопуховской аптеки). Вот я и обратился в эту комиссию, чтобы продать им часть конфискованного сала. Они согласились купить его у нас. За него мы получили около 600 рублей, и отсюда Подкущевский совет черпал свои средства. Но в скором времени мы все это сало конфисковали, а полковника отправили в Тихорецкий ревком, а когда пришли наши войска в Кущевскую и вообще на Кубань, то все это сало было передано воинским частям.

Таким образом, Подкущевка была как бы колыбелью революции для многих кубанских сел. В полном контрреволюционном окружении подкущевцы под руководством совета и подпольной группы «Тринадцать» проводили политику партии большевиков и выполняли указания великого вождя мирового пролетариата В.И. Ленина...

В феврале 1918 г. первой группе Подкущевской красногвардейской дружины в количестве 106 человек командованием было предложено сформировать команду бронепоезда, а в Тихорецке в ускоренном порядке был оборудован, так сказать, бронепоезд.

¹ Правительство Советской России в 1917–1946 гг. Председателем Совнаркома в 1917–1924 гг. был В.И. Ленин.

² Троцкий Лев Давидович (1879–1940) – один из лидеров большевиков, активный участник Октябрьской революции и Гражданской войны. В первом советском правительстве – народный комиссар по иностранным делам, затем – военным и морским делам.

Были заняты три платформы, две из них пульмановские¹ с высокими железными бортами, в которых перевозят сыпучие грузы, третья – обыкновенная открытая платформа. Изнутри навесили листы кубового железа и получились двойные стенки. Пустоту между ними заполнили песком. Внутри сделали подмости из шпал, на которых установили 3-х дюймовые орудия, по два орудия на каждую платформу, а два крытых товарных вагона оборудовали под пулеметы. В нижней части стен были прорезаны люки для пулеметов (по два люка с каждой стороны). Было установлено 8 пулеметов, и один вагон был оборудован под команду пеших разведчиков. Вот и готов бронепоезд. Командный состав его был весь из подкущевцев. Командиром бронепоезда был назначен Кузенев Тимофей Петрович, его заместителем Рубан Мефодий Андреевич, командиром артиллерии Мамонов Николай Васильевич, командиром пеших разведчиков Тютюнников Никодим Александрович. Сначала наш бронепоезд не имел никакого названия, но после первых боев кто-то ночью написал огромными буквами на стенках вагонов «Истребитель № 1», и он действительно стал истребителем и грозой для белых на Северном Кавказе. Командование белой армии обещало большую награду тому, кто уничтожит наш бронепоезд, но так никто и не удостоился этой награды. Бронепоезд существовал, уничтожал контрреволюционеров, но и терял своих людей. Первой жертвой в начале марта 1918 г. стал боец команды разведчиков Ищенко Алексей Гордеевич. Он погиб в боях с корниловцами² близ станции Крыловской.

Наш бронепоезд командование часто перебрасывало с одного участка фронта на другой, так как бронепоездов у нас было мало. Приходилось участвовать в боях непрерывно по несколько суток, так что с трудом находили время, чтобы заправить паровоз горючим и водой. Наш бронепоезд непосредственно участвовал в разгроме Корнилова в Екатеринодаре³ и 13 апреля 1918 г., когда убит был Корнилов, бронепоезд своей артиллерией уничтожил дачу Слюсарева, где находился полевой штаб Корнилова, и где он был убит осколком снаряда. Потом мы принимали участие в боях в Ростове в мае, когда немцы занимали город, а с 24 июня по 11 июля 1918 г. бронепоезд участвовал в упорных боях по линии Тихорецкая-Торговая. 1 июля на станции Развильная был убит командир взвода разведчиков Ключков Иван Степанович и два бойца команды брата Скубины (Михаил и Федор), совсем еще юноши, а 4 июля часов в 8 утра был смертельно ранен любимец команды командир бронепоезда «Истребитель № 1» Кузенев Тимофей Петрович. Ему ничем не могли помочь, т.к. не было медикаментов, а главное, никого не было из мед[ицинского] персонала. Ранен был командир разрывной пулей в живот. Его быстро на ходу втащили в вагон, вправили внутренности, перевязали полотенцем. Он лежал и даже не стонал, хотя был в полном сознании, пытался даже командовать. Потом он попросил дать ему полевую сумку, достал оттуда деньги, принадлежавшие команде (жалованье и хозяйственные нужды), затем достал свои личные 300 рублей и два кольца: одно обручальное, а другое с бирюзой – все это он передал нам и просил то, что принадлежало ему, передать его семье. У него была жена и маленький сын. Но особенно он просил товарищей и меня о том, что тот, кто вернется домой, пусть не забудет его семью. И я никогда не забывал его семью. Потом его сын умер уже взрослым, а жена вышла замуж... Но нас поразила выдержка командира, а ведь он был разорван почти пополам. С этой раной он жил с 8 утра до 2 часов дня. А в 3 часа подошла санитарная летучка и привезла гроб.

Тело командира перенесли в летучку, выделили человек 8 из команды для сопровождения тела в родную Подкущевку для похорон. А бронепоезд и его команда остались на линии и мстили за своего командира.

Так подкущевские орлы в течение 1918 г. били белогвардейских гадов, за что не раз получали похвалу и благодарность от высшего командования 11 армии. А 9 февраля 1919 г. бронепоезд пришел в Кизляр. Здесь был тупик. На станции Шелков[ск]ой близ Кизляра мы

¹ По имени американского изобретателя и промышленника Д.М. Пульмана, создателя компании «Пульман», строившей вагоны для железных дорог.

² В данном случае имеются в виду части Добровольческой армии, главнокомандующим которой являлся генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов (1870–1918).

³ В настоящее время – Краснодар.

уничтожили на своем бронепоезде все, что можно было уничтожить, а в это время скончался наш раненый боец из Екатеринодара с рабочей Дубинки, его похоронили тут же на путях, и он остался вечным часовым около бронепоезда.

Мы же пошли через астраханские пески, унесшие так много жизней защитников Октябрьской социалистической революции. Немало и подкущевских орлов осталось там. А из тех, кто остался жив, многие попали в славную 33-ю Кубанскую дивизию, командиром которой был назначен М.К. Левандовский, бывший командующий 11-й армией на Северном Кавказе¹. Некоторые товарищи по состоянию здоровья попали в госпиталь и после выздоровления были направлены в разные воинские части Красной армии. Меня в Астрахани медицинская комиссия уволила из рядов Красной армии как инвалида второй группы, но в мае 1919 г. я добрался до Украины, где мне с большим трудом удалось вступить в ряды Красной армии, и меня направили в г. Луганск в 33-й автобронепоезд в качестве помощника командира бронемашин.

Вторая группа подкущевских красногвардейцев и красных партизан в количестве, примерно, 260 человек участвовала в боях против белогвардейцев и немцев под Ростовом, Мечетинской, Кагальницкой в составе отряда легендарного командира Жлобы Дмитрия Петровича, а когда сформировался 1-й Южнодонской полк, подкущевцы целиком составили 6-ю роту и пулеметную команду этого полка со своим командным составом. Командиром роты был избран Карпекин Иван Семенович, а когда Карпекина отозвали в дивизию, на его место избрали Марочкина Ивана Борисовича, и все время героически сражались с белыми. А когда в сентябре 1918 г. Жлоба сформировал 1-ю «Стальную» дивизию, в нее вошел и 1-й Южнодонской полк, а вместе с полком вошли и подкущевцы, а Жлоба был очень высокого мнения о подкущевцах, т.к. неоднократно бывал в Подкущевке и многих из них знал лично, особенно членов группы «Тринадцать». «Стальная» дивизия вошла в историю Гражданской войны своими делами, [особенно] после царицынских боев, где особенно отличилась «Стальная» дивизия Жлобы.

В 1919 г., когда сформировалась 1-я Конная армия под командованием С.М. Буденного², много подкущевцев вступили в нее. Так сражались подкущевцы. После войны было установлено, что активными участниками Гражданской войны было более 300 человек подкущевцев. А это было много на 322 двора. Это значит, что с каждого двора Подкущевки было 2 участника Гражданской войны. Например, из семьи Безриды Бориса Акимовича, которому тогда было 70 лет, 6 сыновей добровольно ушли воевать в Красную гвардию и красные партизаны. Трое вернулись домой, а трое погибли на фронте, да и самому Борису Акимовичу в первый же день занятия белыми Подкущевки досталось 25 шомполов и приказали ему убрать трупы убитых самими белыми людей. Головорезы генерала Покровского³, зная об участии многих подкущевцев в боях против белогвардейцев, 18 июля 1918 г., как рассказывают очевидцы, на рассвете ворвались на Подкущевку, а с ними и кущевские казаки-богатеи, и во всех домах семей красногвардейцев и партизан начали жестокую расправу и повальный грабеж. Под видом поиска оружия насиловали молодых женщин и девушек, а мужчин, которые не ушли с Красной армией, сгоняли на церковную площадь, оцепленную бандитами, тут же у двух акаций, где еще в 1905 г. проводились митинги, в конце 1917 г. проводили собрания и выборы Совета рабоче-крестьянских и солдатских депутатов, бандиты чинили свою расправу. Они составили какой-то суд под председательством полковника, главаря этой банды. Он восседал за столом, к нему подводили обреченных, и он много не разговаривал. Спрашивал фамилию, а затем приказывал идти. Как только человек поворачивался спиной, палачи стреляли ему в затылок. Так они расстреляли 11 человек, а двух выпороли шомполами. Наказанные были в большинстве людьми пожилыми. Остальные обреченные ждали своей участи за оградой.

¹ Левандовский Михаил Карлович (1890–1938) – советский военачальник, активный участник Гражданской войны на Северном Кавказе,

² Буденный Семен Михайлович (1883–1973) – советский военачальник, один из создателей красной кавалерии в годы Гражданской войны, командующий 1-й Конной армией в 1919–1923 гг.

³ Покровский Виктор Леонидович (1889–1922) – генерал-лейтенант, активный участник Гражданской войны на юге страны. В 1918 г. – командующий Кубанской армией, затем на различных должностях в Добровольческой армии. Его действия отличались особой жестокостью.

Но спасла их только случайность. Вдруг из-за бугра показался отряд кавалерии. Вскоре все увидели, что это донские казаки. Люди еще больше пали духом, так как считали, что сейчас начнется еще более жестокая расправа. Среди арестованных находился подкущевский поп, арестованный за грубость кубанцам. Они сочли его защитником большевиков. И когда казачий командир (полковник) подошел к ограде, чтобы выяснить, что там за люди, он вдруг узнал попа Владимира, с которым дружил в детстве и учился в училище. Он бросился к нему, назвал себя, так как поп его сразу не узнал. Поп все рассказал ему и даже кое-что преувеличил. Будучи злым на кубанцев, казачий полковник приказал им убираться с Подкущевки и заявил, что они сами наведут порядок. Вот это неожиданное обстоятельство и спасло остальных. Об этом рассказывал сам поп, а, главное, местный учитель Попов Сергей Иванович, находившийся за оградой и ждавший своей участи (два его брата были красногвардейцами, да и сам он принимал участие в общественной жизни Подкущевки). Это далеко не все. О подкущевцах нужно книгу написать... А что делали местные кулаки с подкущевской беднотой? Они [наложили] на семьи красногвардейцев и партизан контрибуцию, чтобы возместить убытки, нанесенные им революцией. Особенно отличились крупные кулаки, такие, как Кролевецкий Иван Михайлович с сыновьями (Петром и Иваном), Кролевецкая Варвара Васильевна, Фоменко Терентий Амвросиевич, Луценко Иван Федотович, да у них нашлись еще помощники из подкущевцев: Малютин Иван Филиппович, Оверченко Петр Тихонович, Удовиченко Алексей Иванович, Марочкин Иван Андреевич, Козачинские Даниил Иванович и Федосей Данилович; сельские старосты: Зацеплин Тихон Захарович и Нестеренко Михаил Афанасьевич. Они ходили по домам, угрожали расстрелом и виселицей, выжимали контрибуцию. Обнаглели до того, что когда нечего уже было взять, забирали иконы.

Но вот пришел 1920 г. Открытые силы контрреволюции на юге нашей страны были разгромлены, но Гражданская война еще не была кончена. Контрреволюция ушла в подполье и действовала через таких типов, как Малютин, Удовиченко и им подобные.

В Подкущевку стали понемногу прибывать фронтовики Гражданской войны, уволенные из армии по возрасту или по инвалидности. 9 апреля 1920 г. прибыл и я прямо из Нижнегородского госпиталя, в Ростовском военкомате прошел врачебную комиссию, где второй раз дали мне чистую отставку и признали инвалидом второй группы Гражданской войны, с заключением: «Переосвидетельствованию не подлежит». Тогда я еще ходил на костылях. 13 апреля 1920 г. меня на общем собрании граждан избрали председателем Подкущевского сельсовета, где я и начал воевать в новых условиях: ликвидировать разруху и восстанавливать хозяйство. Вскоре меня избрали на волостном съезде Советов нашей Ильинской волости членом Президиума волостного исполкома, а в мае 1920 г. на окружном Съезде Советов Ростовского округа – членом окружного исполкома. 10 мая в Подкущевке была организована ком[мунистическая] ячейка, в которую вступило сразу 28 человек подкущевцев. Работали активно и дружно, а 20 июня первой на далекую округу из семей красногвардейцев и партизан мной была организована сельскохозяйственная артель «Красная Звезда», в которую вступило 22 семьи – около ста едоков. Председателем артели выбрали меня. Приходилось работать председателем совета и артели.

По ходатайству артели заняли имение и 400 десятин земли Кроливецкой Варвары Васильевны, которая сбежала еще до прихода Красной армии. Хотя в имении ничего живого не осталось, за исключением надворных построек да хлебного зерна в амбарах, но и это очень помогло бедноте на первых порах. Это был семенной и продовольственный материал, живой и мертвый инвентарь приходилось брать у окружающих кулаков и снабжать артель, так как у членов артели совершенно ничего не было. Кроме того, пришлось прибегнуть не к совсем законным действиям. Через Подкущевку проходила самая большая в нашем крае грунтовая дорога, а по ней часто проезжали кочующие цыгане, и вот я, как председатель совета, решил использовать это обстоятельство и решил хотя бы временно использовать их лошадей. Но предварительно провел это решение через общее собрание. И вот однажды я задержал целый табор цыган – 16 кибиток, а это 16 пар добрых лошадей на 4 двухлемешных плуга (по две пары на плуг, а 4 плуга 4 десятины в день вспашут, а то и больше). Табор я отправил в имение и сам туда выехал. Дал указание цыган не обижать, а лошадей использовать на пахоте и беречь их, а самим цыганам выдал 5 пудов белой муки,

и цыгане были довольны. Поработали они в колхозе дней 10 и вспахали 50–60 десятин зяби. Когда я отпустил их, они были довольны и благодарили за хлеб, но сказали, что [по] этому шляху больше ездить не будут.

По Ростовскому округу начали создаваться колхозы и коммуны. К весне 1921 г. уже было 22 колхоза и две коммуны по указанию из центра, Наркомзема¹, создать на местах колхозные центры, союзы колхозов от районных до областных и до центросоюза. Поэтому 10 марта 1921 г. был созван районный съезд колхозов Самарского района Ростовского округа, куда входил и наш колхоз «Красная Звезда». Я был избран от своего делегатом на этот съезд колхозов и 10 марта был избран районным съездом председателем райколхозсоюза Самарского района с центром в селе Новобатайском. На этом же съезде был избран членом президиума окружного союза колхозов. Кажется, я увлекся личными воспоминаниями.

Итак, после окончания Гражданской войны в Подкущевку стали возвращаться герои. Подкущевка принимала очень печально: все разрушено, семьи голодают, а герои возвращались в большинстве инвалидами, да и возвратились далеко не все. Завоевывало советскую власть 357 человек, а вернулось 118. И начала подкущевская беднота приспосабливаться к сельскому хозяйству. Приспосабливаться было тяжело, так как инвентаря не было, даже лопату или вилы не на каждом дворе можно было найти. Раньше инвентарь и не нужен был, так как работали не кулаков, а теперь нужно было работать на себя. С большим трудом бедняки начали приобретать хоть каких-нибудь лошадей, но один на одной лошади ничего не сделаешь, а в колхозы мало еще шло, так как не понимали значения коллективного труда.

А тут еще кулачье и всякая контра вместе с попами агитировало против колхоза, а вокруг рыскали всякие банды, нападавшие на советы, колхозы, совхозы, убивали советских работников, активистов. Подкущевцам приходилось вооружаться и ликвидировать банды. Почти каждую ночь в Подкущевке собирались вооруженные группы и несли караульную службу, чтобы не быть застигнутыми врасплох. Ездили даже в поле работать с оружием.

Много подкущевских партизан работали в продотряде, который проводил работу по выполнению продразверстки и по выявлению кулацких хлебных тайников.

Но вот наступил 1921 г., бедняки начали группироваться в спряжки, чтобы по 3–4 человека пахать. Нужно было впервые сеять свой хлеб. Но посев был горький и трудный. У кулаков уже всходы зеленели, а беднота все сеяла, но засеяла все же много. Но 1921 г. был засушливым и неурожайным, поэтому почти все, что засеяла беднота, осталось на полях, и косить нечего было. Кое-кто пытался убирать урожай руками, вырывая посев из земли, но и при таком способе уборки даже семян не вернули. И начался на Подкущевке голод. Люди начали бежать из родных гнезд в поисках спасения. Но и там, куда они бежали, умирали от голода. Родители отвозили своих детей в город и там бросали их на произвол судьбы. И помочь беднякам не было никакой возможности. Даже колхозники стали разбегаться, разбежался и колхоз «Красная Звезда», в котором осталось всего три семьи. Этим пользовалось кулачество и прятало хлеб, и уничтожало его, а сами делали вид, что сами голодают. Так, например, один богатый кулак Подкущевки Кролевецкий ранней весной 1922 г., в самый разгар голода высыпал в реку Куго-Ею 18 мешков белой пшеничной муки. И еще тяжелее от того, что делал это его сосед середняк Фоменко, у которого семья пухла от голода. Об этом рассказал сам Фоменко в 1926 г., когда сам Кролевецкий куда-то сбежал. А голод был таким, что люди ели кошек и собак. Впрочем, это было не только в Подкущевке. Наконец, зимой 1922 г. были изъяты ценности из подкущевской церкви для спасения голодающих, но их оказалось очень мало, и помощь от них была невелика.

К весне 1923 г. подкущевская ком[мунистическая] ячейка и сельсовет совместно с активом партизан и бедноты предложили верующим снять колокола с церквей. Поп упорно сопротивлялся и вел усиленную агитацию среди верующих. Насильно снять колокола нельзя было, тогда прибегли к другим способам: стали посылать голодных людей с детьми просить помощи у попа, были проведены общие собрания граждан, на которых выступали коммунисты и активисты. Наконец, поп согласился снять три самых больших колокола. Весили они много (один – 136 пудов 12 фунтов, второй – 42 пуда 36 фунтов, а третий – свыше 18 пудов). Решили приурочить это дел к 23 апреля (ко дню рождения

¹ Народный комиссариат земледелия РСФСР.

В.И. Ленина¹). Подкущевцы первыми провели в жизнь такое мероприятие, как снятие колоколов и закрытие церкви. С большим трудом удалось снять колокола и переправить их в Ростов, чтобы продать заводу сельхозмашин «Красный Аксай», а деньги пошли голодающим. В 1923 г. в Подкущевке был организован детский дом, который удалось оборудовать с большим трудом и обеспечить самым необходимым. Частично за счет добровольных пожертвований, а частично за счет средств, имевшихся в сельсовете. А с продуктами питания пришлось нажимать на кулаков и действовать иногда незаконно, но нужно было спасать людей от голодной смерти, особенно детей, родители которых умерли или были не в состоянии содержать их. В детдоме было собрано 100 детей и при нем организована столовая, где раз в день выдавалась голодным людям бесплатно хоть какая-нибудь пища и кусок хлеба. Тем, кто не в состоянии был ходить, носили пищу на дом. Так подкущевская беднота преодолевала суровое испытание, и в то же время велась борьба с кулаками и бандами, рыскавшими вокруг. Так, в мае 1922 г. в разгар голода была разгромлена банда хорунжего Дубины. В результате ранили Дубину, захватили в плен его адъютанта, самого Дубину с остатками его банды ликвидировала воинская часть, присланная сюда для борьбы с бандитизмом. Адъютант Дубины на обширном митинге в Кущевке выдал всех казаков, активно содействовавших банде. Они получили по заслугам.

Так Подкущевка стала примером в деле защиты советской власти для окружающих сел.

Весной 1924 г. в Подкущевку приехал товарищ Микоян², бывший тогда секретарем краевого комитета Коммунистической партии Северокавказского края и с ним председатель Доноблисполкома Советкин, чтобы оказать Подкущевке хоть какую-нибудь материальную помощь. Они выдали денежные средства на покупку трактора «Фордзона». Подкущевцы купили трактор и организовали новый колхоз «Спартак» и заняли то же имение Кролевецкой. В него вступили старые члены колхоза «Красная звезда», которые остались живыми. После голода экономическая жизнь подкущевцев стала налаживаться и крепнуть. Начали создаваться и другие колхозы и сельскохозяйственные товарищества. Советское правительство стало отпускать долгосрочные кредиты для залечивания ран, нанесенных контрреволюцией и голодом. Начали восстанавливаться и действовать промышленные предприятия. Многие начали работать по специальности, а молодежь пошла учиться. Многие из подкущевцев стали теперь врачами, агрономами и учителями... В старое время эту молодежь ждала нищета и каторжная работа на кулаков и помещиков. Трудно найти слова для выражения благодарности тем, кто не щадил свою жизнь и шел на борьбу с врагами трудового народа, за права и достоинство трудового человека. А подкущевцы шли в авангарде этих борцов. Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценило революционные и боевые заслуги подкущевцев. В 10-ю годовщину Красной армии в 1928 г. постановлением Президиума Центрального исполнительного комитета СССР от 20 февраля 1928 г. 6 человек – подкущевских красногвардейцев и красных партизан – были награждены боевыми орденами «Красное Знамя». А постановлением Реввоенсовета СССР 12 человек – боевыми Почетными грамотами.

Эти боевые награды еще больше воодушевили подкущевцев, и они еще активнее стали работать.

Но в том же 1928 г. Кущевский райком КПСС³ и райисполком решили ликвидировать Подкущевский сельсовет, даже не поговорив об этом с подкущевцами. Я в то время, будучи председателем Подкущевского сельсовета, пытался воспротивиться этому решению, но ничего не помогло, и я был вынужден сдать дела председателю Кущевского станичного Совета. Но я оставил заявление о том, что, подчиняясь административно, оставляю за собой право обращаться в высшие органы власти по этому поводу. Собрал общее собрание подкущевцев, актив красных партизан, где было принято решение обратиться с жалобой

¹ День рождения В.И. Ленина – 22 апреля.

² Микоян Анастас Иванович (1895–1978) – советский государственный и партийный деятель, первый секретарь Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б) в 1924–1926 гг.

³ В то время – Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (Коммунистическая партия Советского Союза – с 1952 г.).

лично к Председателю Президиума ЦИК СССР Калинину М.И.¹, что и было сделано. А в скором времени Президиум ЦИК СССР предложил крайисполкому немедленно восстановить Подкущевский совет. А председателю крайисполкома и райисполкома вынесли выговоры за неправильные действия. Справедливость восторжествовала. Ведь этот Совет рабоче-крестьянских и солдатских депутатов надо признать как исторический памятник революционной борьбы на Северном Кавказе, так как он был создан самым первым в этих местах в первые дни 1918 г. в полном окружении контрреволюции и белогвардейских банд и существовал, пока не отступила Красная армия и не надвинулась всей массой белая армия и немецкие захватчики. Почти все члены совета ушли на фронт и с оружием в руках принимали участие в Гражданской войне против контрреволюции.

После восстановления совета подкущевцы продолжали налаживать жизнь.

В конце 1929 г. началась сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса. В этом мероприятии подкущевские партизаны и беднота приняли самое активное участие. Кулаки были поголовно высланы, их имущество обращено в колхозное достояние.

В то время на Подкущевке из мелких колхозов был создан колхоз-гигант «Имени 12-й годовщины Октябрьской революции». Но в этом была и некоторая ошибка: получилась неохватываемость руководством столь крупного хозяйственного объекта, так как в ведении Подкущевского совета земли было около 20000 гектар (позже часть ее отошла к Степанянскому зерносовхозу), да и населенные пункты кварталов были разбросаны километров на 8–10, из-за этого иногда происходили недоразумения и неполадки в работе колхоза. Поэтому в скором времени пришлось разукрупнить гигант и сделать в Подкущевском сельсовете три колхоза (в самой Подкущевке – «12-я годовщина», а на кварталах – «Им[ени] 3-го Интернационала» и «Им[ени] Сталина»). Тогда дела пошли нормально.

Весной 1935 г. партизаны написали письмо Шолохову, в котором излагалась краткая история Подкущевки. Письмо его заинтересовало и в июле 1935 г. Шолохов приехал в Подкущевку, где пробыл 2 или 3 дня, беседуя с партизанами. Шолохов считал, что о Подкущевке нужно написать книгу, но сожалел, что не может написать ее сам, так как у него много работы, и он поручил мне и Попову написать ее, а сам брал на себя обработку и издательство этой книги под нашим авторством. Но так ничего и не вышло, так как в скором времени высшие командиры (Жлоба, Ковтюх² и другие) попали под рубрику «врагов народа» и которых, к великому сожалению, потом не стало. Потом началась Великая Отечественная война. Связь с Шолоховым оборвалась, а в настоящее время у него еще больше накопилось новых дел об Отечественной войне, но все же он в своих произведениях в 8 томе (стр. 116 и на стр. 374), хоть немного, но ясно и правдиво написал о героической Подкущевке. Есть еще исторический материал в Краснодарском краеведческом архиве³ и крайисполкоме, и в Центральном музее Советской армии в Москве⁴.

Много подкущевцев участвовало в Отечественной войне. Среди них много потомков красногвардейцев и красных партизан, да немало и самих партизан и красногвардейцев, добровольно ушедших воевать. Многие из них так и не вернулись. Немало подкущевцев стали боевыми офицерами. У каждого грудь украшена несколькими боевыми орденами и медалями. После окончания войны Кущевским райкомом КПСС и райисполкомом в 1949 или 1950 г. все подкущевские и кущевские колхозы были объединены в один колхоз

¹ Калинин Михаил Иванович (1975–1946) – советский государственный и партийный деятель, занимавший номинальные должности главы Советского государства: председатель Центрального исполнительного комитета СССР от РСФСР в 1922–1938 гг., председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1938–1946 гг., член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1926–1946 гг.

² Ковтюх Елифан Иович (189–1938) – советский военачальник, активный участник Гражданской войны на юге страны, комкор. В 1937 г. арестован и затем расстрелян.

³ Вероятно – Краснодарский историко-краеведческий музей (в настоящее время – Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник имени Е.Д. Фелицына) или Государственный архив Краснодарского края.

⁴ В настоящее время – Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации.

«Им[ени] С.М. Кирова», к котором земли насчитывается не менее 40 тыс. га, а территория колхоза простирается километров на 25.

Вместе с укрупнением колхозов на Подкущевку обрушилась новая несправедливость. Кущевский райком КПСС и райисполком вынесли решение ликвидировать Подкущевский совет, а саму Подкущевку объединить со станицей Кущевской, назвав ее просто окраиной станицы. В 1953 или 1954 г. это решение было приведено в исполнение, и героической Подкущевки, как ее назвал Шолохов, как таковой более не существует, а есть действительно темная, забытая окраина станицы, которая теперь находится на положении пасынка как у станичного совета, а равно и у районных руководителей. Там до сих пор не проводилось и [не] проводится совершенно никакого благоустройства, за исключением того, что развешены по улицам десятков лампочек, да и те не всегда светят. Да установлено 3–4 водоразборных колонки, также на всю территорию, и люди в грязь и непогоду предпочитают сидеть лучше без воды, чем месить такую грязь, а если нужно купить керосин, то человек вынужден идти два километра в центр станицы, чтобы купить такую роскошь. Еще хорошо, что в 1967 г. построили мост через реку, а то люди, буквально, тонули в грязи. Но если этот мост и дальше будет оставаться в таком состоянии, окончательно недостроенным, то он скоро придет в негодность, его разобьют преждевременно, а он стоит немалых средств. И все это происходит на виду у станичных и районных властей. Я выражаю общее мнение и мечту всех подкущевцев и считаю, что нельзя было ликвидировать Подкущевский совет. Такой совет нужно оставить, как живой памятник революционной борьбы, чтобы всегда можно было бы на факте показать молодому поколению, что это за совет и в каких условиях он был создан. А хутор Подкущевский преобразовать и дать ему другое название и сделать его рабочим поселком, ведь в нем сейчас большая часть населения – рабочие и служащие, и это было бы, пожалуй, самым справедливым решением, а старое название предать забвению, так как хутор Подкущевский – это что-то подчиненное, рабское, да он и действительно был под спудом богатой реакционной станицы Кущевской.

И еще одна обида и оскорбление нанесены руководителями партии и советской власти Кущевского района по отношению [к] не только живым подкущевским красногвардейцам, красным партизанам, но и по отношению к павшим смертью храбрых на полях Гражданской войны. Они беззаветно сражались с озверелой контрреволюцией, не щадя крови и даже жизни, завоевывали советскую власть и счастливую свободную жизнь для трудового человечества.

О героических делах подкущевских партизан районная газета «Вперед» целый месяц с 18 июля по 26 августа 1967 г. писала исторический очерк, а вот [нет] того, о чем так убедительно просили подкущевские партизаны, которые еще живы, хоть их уже так мало осталось (18–20 человек от 300 с лишним человек), да и те уже немощные старики-инвалиды. А просили они письмом через газету «Вперед» руководящих товарищей Кущевского района (1-го секретаря райкома КПСС тов. Куцего Сергея Терентьевича и председателя райисполкома тов. Сапрыкина Бориса Леонидовича) увековечить память о героических делах подкущевских красногвардейцев и красных партизан и о самой Подкущевке. Это письмо было опубликовано в районной газете «Вперед» 9 декабря 1965 г., № 147. Я прилагаю здесь письмо партизан и газету «Вперед». Просили воспроизвести на мраморе имеющийся в райкоме КПСС и райисполкоме памятный исторический список подкущевских красногвардейцев и красных партизан с краткой историей Подкущевки и укрепить его на каменном фундаменте у памятника на той же подкущевской площади, где в былые времена происходили и торжественно радостные, и печально горестные события. А этот список был нами по памяти восстановлен и обработан еще в 1925–27 гг. к 10-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции и подписан комиссией, специально для этого избранной из среды красногвардейцев и партизан в составе 7 человек, а в 1930 г. 22 января был утвержден и заверен Подкущевским сельсоветом под № 52, а в феврале того же года был утвержден и заверен Кущевским райисполкомом под № 6462. Такой же памятный список и фотографии имеются в Москве в Центральном музее Советской армии под № 9713, о чем у нас имеется оттуда заверенная копия, и такой же список имеется в архивном отделе Краснодарского крайисполкома. Такой же список приложен к этому письму. Получив письмо подкущевских партизан и красногвардейцев, секретарь райкома КПСС тов. Куцев С.Т. и председатель райисполкома тов. Сапрыкин Б.Л.

торжественно обещали сделать все, о чем просили сделать партизаны в письмах, а партизаны просили, как указано выше, написать на мраморе все так, как написано в списке и установить на площади в Подкущевке и подвести к нему Вечный огонь славы (кстати, газопровод рядом на этой площади в 10–15 метрах от памятника). Кроме письма партизан, я сам несколько раз разговаривал с секретарем райкома тов. Куцевым и председателем райисполкома тов. Сапрыкиным по поводу истории Подкущевки и ее героев. Они и мне обещали сделать все по письму партизан и сделать все это к великому юбилею 50-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Даже вот уже в мае я снова разговаривал с тов. Куцевым у него в кабинете в присутствии некоторых работников райкома. Разговор шел все о том же письме, и тов. Куцев торжественно обещал сделать все, и в знак подтверждения своего обещания торжественно пожал мне руку. А когда я напомнил, что времени остается немного, тов. Куцев меня заверил, чтобы я не беспокоился, что они успеют это сделать. Но, к сожалению, ничего не начинали делать и, как видно, не думают начинать. А ведь совсем недавно (в июле и августе 1967 г.) за станцией Куцевской построили богатый монумент воинам Отечественной войны – казачьему корпусу Кириченко¹, и при открытии монумента 29 августа 1967 г. три дня праздновал весь Куцевский район (29, 30, 31 августа). И вышло очень печально, что подкущевские красногвардейцы и красные партизаны – герои Гражданской войны, завоеватели Великой Октябрьской социалистической революции, которые первыми на территории Донской и Кубанской областей в те грозные и решительные годы добровольно по зову партии большевиков, по зову великого вождя пролетариата и руководителя революции В.И. Ленина взяли в руки революционное оружие и вступили в ожесточенный бой с вооруженной до зубов контрреволюцией и беззаветно сражались, не щадя своей жизни до полной победы советской власти, до окончательного разгрома контрреволюции, ведь недаром из 300 с лишним человек подкущевских героев осталось в живых после Гражданской войны только 118 человек, да и те изранены и покалечены, а теперь они, эти герои, и живые, и мертвые, у куцевских руководителей остались пасынками, и забытыми, и ненужными, а ведь все это сооружение, о котором просили подкущевские партизаны, не так-то дорого и стоил бы. Я об этом справлялся в Ростове в официальном учреждении, где все точно подсчитали и мне ответили, что все это сооружение с материалами вместе будет стоить около 4000 рублей. Так разве эти герои Гражданской войны и Великой Октябрьской социалистической революции – более 300 человек – не заслужили все вместе 4000 рублей? Ведь это же приходится по 10–15 рублей на человека, да и к тому же в настоящее время их потомки (сыновья, дочери и внуки) состоят в нашей великой армии труда, работают на различных предприятиях промышленности, в учреждениях и в сельском хозяйстве нашей необъятной советской Родины и создают материальные народные ценности, да к тому же это историческое сооружение было бы хорошим наглядным пособием в деле патриотического воспитания молодого поколения, а также являлось бы официальной справкой на долгие годы – кто из подкущевцев и какую лепту внес в дело революционных завоеваний. И все же все подкущевцы имеют надежду и чаяния, что героическая Подкущевка обретет свои прежние права и по указанию вышестоящих органов власти Подкущевский сельсовет будет восстановлен и Подкущевка будет преобразована в рабочий поселок.

Приложение: упомянуто
19 октября 1967 г.

<подпись>

Кавалер ордена Боевого Красного Знамени, бывший красногвардеец и красный партизан, зам[еститель] командира бронепоезда «Истребитель № 1», инвалид 2-й группы Гражданской войны, персональный пенсионер республиканского значения РСФСР.

¹ В 1967 г. у станции Куцевской был открыт памятник в честь 17-го казачьего кавалерийского корпуса под командованием генерала Н.Я. Кириченко, остановившего противника в начале августа 1942 г.

г. Ростов-на-Дону, пос[елок] им[ени] Чкалова, ул[ица] Казахская, № 78/2, кв[артира] 62,
Рубан Мефодий Андреевич

Копия. Машинопись.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания по проведению фундаментальных исследований № 0260-2014-0006 «Историко-культурное наследие юга России в условиях модернизации».

Автор благодарит родственников М.А. Рубана Е.Ю. Савченко и Ю.Г. Рубана за предоставленную возможность работы с материалами архива.

Литература

Krinko, 2015 – *Krinko E.F.* The Great Patriotic War: the Problems of Forming the Source Base // *Русский архив*. 2015. № 2 (8). С. 76–86.

Альтман, Иноземцева, 2013 – *Альтман М.М., Иноземцева З.П.* Актуальные проблемы собирания документов личного происхождения на современном этапе // *Вестник архивиста*. 2013. № 1. С. 137–150.

Клинова, 2012 – *Клинова М.А.* Письма и жалобы в органы власти как источник изучения советской повседневности // *Вестник архивиста*. 2012. № 4. С. 300–305.

Морозова, 2008 – *Морозова О.М. Д.П.* Жлоба глазами своих бойцов: портрет легендарного командира Стальной дивизии // *Человек второго плана. Сборник научных статей*. Вып. 5. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2008. С. 206–228.

Шабалина, 2015 – *Шабалина О.А.* Личный архив как объект социологического исследования (на примере личного архива Ф.Е. Достовалова) // XVIII Международная конференция памяти проф. Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования». Екатеринбург, 19–20 марта 2015 г. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2015. С. 761–770.

Михаил Шолохов, 2005 – *Михаил Шолохов: Летопись жизни и творчества (материалы к биографии)* / Сост. Н.Т. Кузнецова. М.: Галерея, 2005. 536 с.

References

Krinko, 2015 – *Krinko E.F.* The Great Patriotic War: the Problems of Forming the Source Base // *Russkij arhiv*. 2015. № 2 (8). P. 76–86 [in Russian].

Al'tman, Inozemceva, 2013 – *Al'tman M.M., Inozemceva Z.P.* Aktual'nye problemy sobiraniya dokumentov lichnogo proishozhdeniya na sovremennom jetape [Present-day topical problems of collecting documents of personal origin] // *Vestnik arhivista*. 2013. № 1. P. 137–150 [in Russian].

Klinova, 2012 – *Klinova M.A.* Pis'ma i zhaloby v organy vlasti kak istochnik izuchenija sovetskoj povsednevnosti [Letters and complaints to the authorities as a source of the study of Soviet everyday life] // *Vestnik arhivista*. 2012. № 4. P. 300–305 [in Russian].

Morozova, 2008 – *Morozova O.M. D.P.* Zhloba glazami svoih bojcov: portret legendarnogo komandira Stal'noj divizii [Zhloba through the eyes of his fighters: a portrait of the legendary commander of the Steel Division] // *Chelovek vtorogo plana. Sbornik nauchnyh statej* [A man of the second plan. Sat. Scientific articles]. Is. 5. Rostov-on-Don: Southern Federal University, 2008. P. 206–228 [in Russian].

Shabalina, 2015 – *Shabalina O.A.* Lichnyj arhiv kak ob"ekt sociologicheskogo issledovanija (na primere lichnogo arhiva F.E. Dostovalova) [Personal archive as an object of sociological research (on the example of personal archive of F. Shostalov)] // XVIII International Conference in memory of prof. L.N. Kogan «Culture, personality, society in the modern world: Methodology, experience of empirical research». Ekaterinburg, March 19–20, 2015. Ekaterinburg: Ural Federal University, 2015. P. 761–770 [in Russian].

Mihail Sholohov, 2005 – *Mihail Sholohov: Letopis' zhizni i tvorchestva (materialy k biografii)* [Mikhail Sholokhov: Chronicle of life and creativity (materials for biography)] / Comp. N.T. Kuznetsov. M.: Galeria, 2005. 536 p. [in Russian].

УДК 908:303.422

**«Хотя бы раз еще повидаться с тобою и многое рассказать тебе...»:
личный архив старого большевика М.А. Рубана**

Подготовка к публикации, вступительная статья и комментарии

Ольга Валерьевна Семенова ^{а, *}

^а Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В публикации приводятся документы из личного архива старого большевика, красного партизана, героя Гражданской войны, орденосца Мефодия Андреевича Рубана. Документы охватывают период с 1900 по 1967 гг. и являются важным свидетельством как жизни самого М.А. Рубана, так и большого этапа советской эпохи в целом. Публикация документов дает возможность исследователю получить более четкое представление о советской действительности.

Ключевые слова: красные партизаны, хутор Подкущевский, Гражданская война, М.А. Рубан, группа «Тринадцати», М.А. Шолохов.

---

* Корреспондирующий автор
Адрес электронной почты: oliko_sov@mail.ru (О.В. Семенова)
